ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

и

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ.

БЕРЛИНЪ, 1863.
FERDINAND SCHNEIDER.
VICTORIA-STRASSE 11.

943.8033
P767

Намордникъ, надѣтый цензурой на русскую публицистику, былъ причиною того, что русскіе имѣютъ самыя неясныя и сбивчивыя понятія о причинахъ, силѣ и цѣляхъ Польской революціи. Когда русская армія тонетъ въ польской крови, русскій народъ долженъ хоть знать за что̀ это новое пятно падаетъ на его имя.

Цѣль предлежащей брошюры и есть: во 1хъ познакомить русскихъ съ *истиннымъ* значеніемъ теперешняго польскаго движенія съ 1861 года по сіе время, а главное съ причиной, почему именно польскій народъ готовъ принести столько жертвъ для достиженія отдѣльнаго отъ Россіи существованія, а во 2хъ какое самое возможное и раціональное разрѣшеніе польскаго вопроса, разрѣшеніе, которое не только удовлетворило бы Польшу, не затрогивая интересовъ другихъ госу-

дарствъ, но и, возстановивъ равновѣсіе Европы, служило бы залогомъ долгаго и прочнаго мира.

Я знаю, что дѣло Польши заслуживаетъ болѣе извѣстнаго и болѣе краснорѣчиваго защитника. Но событія не ждутъ; пожаръ, охватившій Польшу, разливается все болѣе и болѣе; Варшава стоитъ надъ вулканомъ, каждую минуту готовымъ ее поглотить. Въ такое время долгъ каждаго человѣка сдѣлать хоть что нибудь для погашенія пожара и спасенія горящаго зданія, пока не пріѣдетъ *пожарная команда.*

Сознаніе этого долга и руководило мною, когда я писалъ эту брошюру. —

Z dymem pożarów, z kurzem krwi bratniéj началась кровавая братоубійственная борьба русскаго правительства съ польскимъ народомъ, борьба безпощадная, борьба на жизнь и смерть. Въ продолженіе 2 лѣтъ правительство дѣлало всевозможныя усилія чтобы вызвать въ Польшѣ возстаніе, но все неудачно; и нужно ему отдать справедливость, что не оно виновато въ этой неудачѣ; оно сдѣлало все, что самый наглый деспотизмъ только въ состояніи сдѣлать, но всѣ его усилія были тщетны при терпѣніи, политической зрѣлости, а главное при готовности польскаго народа къ жертвамъ На систематическія убійства безоружныхъ женщинъ, стариковъ и дѣтей Польша отвѣчала только молитвами и плачемъ; дикіе казаки на коняхъ врывались въ церкви, убивая молящихся и безчеща ихъ святыню, а самый католическій народъ

въ мірѣ еще глубже облекался въ трауръ и еще терпѣливѣе сносилъ свое мученичество; ея дѣтей мучили въ казематахъ, потомъ, заковавъ въ цѣпи, больныхъ и измученныхъ отправляли зимой въ холодные лѣса Сибири и, не ропща, отправлялись они въ далекій страдальческій путь, оставляя за собою окровавленныя сердца матерей, женъ и дѣтей. Мухановы, Сухозанеты и Герштенцвейги, русскіе, татары и нѣмцы употребляли для вызова революціи всѣ орудія, какія только деспотизмъ монгольскій соединенный съ деспотизмомъ éclairé могли придумать — но все неудачно. — Но вотъ явился полякъ, революціонеръ 30 годовъ маркизъ Гонзаго Мышковскій, который наконецъ успѣлъ тамъ, гдѣ соединенныя усилія татаръ и нѣмцевъ были тщетны. Онъ обдуманно бросилъ свой беззащитный народъ на пастьпьяной и кровожадной арміи, систематически остервененной противъ всего, что носитъ польское имя. — Нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ, которому суждено было сдѣлаться Каиномъ своего народа, небудетъ здѣсь неумѣста, тѣмъ болѣе что большей части русскихъ эта личность, играющая такую роль въ новой революціи, совершенно незнакома. —

Графъ Вельепольскій, потомокъ древней

польской фамиліи, никогда впрочемъ особенно не блиставшей въ исторіи Польши, есть единственный маркизъ въ Царствѣ Польскомъ; уже это одно обстоятельство ставило его въ какое-то исключительное положеніе относительно остальной аристократіи. Титулъ маркиза его предокъ получилъ отъ папы Климента VIII; за какія особенныя услуги, мы говорить здѣсь не будемъ; скажемъ только, что первый маркизъ былъ женатъ на какой-то родственницѣ этого папы. Какъ бы отъ этого полуитальянскаго происхожденія теперешняло маркиза, у него развился характеръ чисто итальянскій. Вельепольскій соединяетъ въ себѣ все, что есть худаго и хорошаго въ натурѣ итальянца: логику законовѣда, ловкость болоньскаго адвоката, кардинальскую спѣсь, притворство іезуита, властолюбіе венеціанскаго аристократа и мстительность корсиканца. Вельепольскій, говоритъ Мазадъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ и ищутъ борьбу, не столько за связанныя съ ней волненія, сколько потому, что покоряются влеченіямъ своей громадной и властолюбивой души, любящей затрудненія и меньше всего пугающейся препятствій, непопулярности и ненависти. Его лице — это отпечатокъ его души; взоръ его строгъ и

энергиченъ; вся его физіономія выражаетъ рѣшимость и силу; въ его обхожденіи высказывается гордая самоувѣренность. Еще будучи студентомъ, онъ разъ сказалъ своему товарищу, писавшему о суетности: „Я надѣюсь, что вы докажете, что суетность-добродѣтель.“ Въ недавно-изданной имъ анонимной брошюрѣ онъ говоритъ: „Провидѣніе одаряетъ свои орудія могущественными силами; Вельепольскій обладалъ порядочнымъ запасомъ такихъ силъ. Торжество избранника провидѣнія тѣмъ больше, чѣмъ хуже пріемъ, дѣлаемый ему толпой.“ Терпѣніе и выдержка при извѣстномъ занятіи были основаніемъ его блестящаго воспитанія; онъ основательный законовѣдъ, ученый гуманистъ и ловкій ораторъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ уже занимался веденіемъ безчисленныхъ процессовъ, наслѣдованныхъ имъ отъ отца; во многихъ мѣстахъ онъ лично защищалъ свои майоратскія права предъ требованіями кредиторовъ своихъ предковъ; въ этихъ защитахъ обнаружилась вся энергія и вся свѣтлость его ума. Въ этой борьбѣ его феодальныхъ правъ съ взглядами новаго гражданскаго права закалился его характеръ и сильно развились его способности. — Свою политическую карьеру маркизъ началъ въ 30 году, бывъ

посланъ въ Лондонъ для исходатайствованія вмѣшательства Европы въ дѣла Польши. Но всѣ его старанія, вся ловкость, съ которою онъ доказывалъ пользу возстановленія Польши не только для Франціи и Англіи, но и для Россіи, Пруссіи, и Австріи, ни къ чему не повели. „Возстановленія Польши, говорилъ онъ въ открытомъ письмѣ къ Пальмерстону, требуетъ не только всеобщее право, но даже политическая мудрость; совокупное вмѣшательство великихъ державъ можетъ удержать кровопролитіе; правда, что это вмѣшательство оскорбитъ гордость Россіи; но тогда она стала бы искать своего величія въ развитіи своихъ богатыхъ внутреннихъ источниковъ.“ — Вельепольскій говорилъ и писалъ съ большимъ огнемъ и огромною логикою, но все было напрасно. „Независимая Польша будетъ союзникомъ Франціи, а усиленіе Франціи противно интересамъ Англіи,“ былъ отвѣтъ Пальмерстона на всѣ его представленія. —

Равнодушіе Европы къ участи его несчастнаго отечества и борьба партій въ самой Варшавѣ въ то время, когда все уже было потеряно и врагъ стоялъ у воротъ города, произвели глубокое впечатлѣніе на Вельепольскаго. Въ этихъ двухъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ не *несчастіе*

своего отечества, а его совершенное *безсиліе;* а сознаніе *безсилія* было для его гордой натуры гораздо несноснѣй самаго *несчастія.* Изъ тогдашней своей политической карьеры онъ вынесъ ненависть къ Западной Европѣ и презрѣніе ко всякой борьбѣ партій. — Его характеръ былъ слишкомъ гордъ и благороденъ, чтобъ рабски покориться побѣдителю своего отечества, а выхода для Польши изъ ея несчастнаго положенія онъ не видѣлъ; дѣлать заговоры казалось ему безполезнымъ и нелѣпымъ; какъ мыслитель онъ мало цѣнилъ путь къ воскресенію своего отечества развитіемъ его матеріяльныхъ богатствъ, путь выбранный графомъ Замойскимъ. Какъ аристократъ, онъ презиралъ и ненавидѣлъ демократическихъ пропагандистовъ, о которыхъ онъ послѣ говорилъ: „Демократическая партія — это партія общественнаго безпорядка, состоящая изъ изверговъ общества, изъ плохихъ священниковъ, легкомысленныхъ дворянъ, невѣрныхъ чиновниковъ, старыхъ офицеровъ, молодыхъ демагоговъ, разоренныхъ помѣщиковъ, задолжавшихъ фермеровъ, презрѣнныхъ слугъ и комунистовъ.“ Обманутый дипломатъ не имѣлъ довѣрія къ „національной дипломатіи,“ продолжавшей обращаться къ Западу. — Но Вельепольскій глубоко

чувствовалъ иго, тяготившее его отечество, и горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть ему конецъ. — Онъ все время послѣ революціи повидимому занимался только своими процессами, но въ душѣ его въ это время происходила громадная борьба.

Результаты его долгаго мышленія и внутренней борьбы въ первый разъ обнаружились въ „Письмѣ польскаго дворянина къ князю Метерниху,“ написанномъ маркизомъ послучаю галицкой рѣзни 1846 года. „Прежде чѣмъ сойти въ могилу,“ писалъ тогда теперешній авторъ набора и революціи „вы поскользнулись въ крови, въ крови тѣхъ дворянъ, которые подъ стѣнами Вѣны спасли Австрію.“ „Мы должны выйти изъ нашего бездѣйствія“ говоритъ онъ далѣе „мы должны взяться за дѣло;“ „Польское дворянство должно предпочесть итти вмѣстѣ съ Россіею во главѣ молодой сильной и богатой будущностью славянской цивилизаціи, чѣмъ презрѣнно влечься за цивилизаціею Запада.“ „Романовъ слишкомъ хорошій дворянинъ, для того, чтобы допустить рѣзню ему подобныхъ дворянъ даже между своими врагами.“ „Отъ народовъ, состоящихъ изъ ремесленниковъ и купцовъ, мѣряющихъ свое великодушіе аршиномъ, намъ нечего ожидать спасенія.“ „Такъ какъ Польша не въ состояніи съ успѣхомъ

бороться съ тремя своими завоевателями, то она должна соединиться съ могущественнѣйшимъ и болѣе всѣхъ ей роднымъ русскимъ государствомъ и отомстить Австріи и Пруссіи за свое паденіе." — И такъ программой Вельепольскаго было добровольное соединеніе Польши съ Россіею или лучше сказать поглощеніе первой послѣднею. Двѣ причины побудили, какъ я выше сказалъ, Вельепольскаго къ этому національному самоубійству именно: полное *сознаніе* безсилія Польши противъ трехъ ея завоевателей и желаніе отомстить Австріи и Пруссіи за раздѣлъ, а можетъ быть и Франціи и Англіи за ихъ равнодушіе къ судьбѣ Польши. —

Маркизъ приступилъ къ дѣлу; сына своего онъ отправилъ въ Петербургъ для поступленія въ военную службу. Но Вельепольскій при самомъ началѣ встрѣтилъ сопротивленіе своимъ планамъ тамъ, гдѣ онъ меньше всего его ожидалъ: узкій умъ Николая не могъ обнять его гигантской мысли; Николая оскорбляло, что маркизъ говорилъ съ нимъ какъ съ себѣ равнымъ дворянином; притомъ онъ надѣялся поглотить Польшу другимъ путемъ и другими средствами. Непринятіе предложенія Вельепольскаго — это единственная, хотя отрицательная, услуга Польшѣ,

оказанная Николаемъ: кто знаетъ не ухватились ли бы поляки за идею Вельепольскаго въ то время, когда бороться съ могущественною Россіею казалось совершенно невозможнымъ, когда вся Европа была опутана паутиной священнаго союза. — Но времена перемѣнились: крымская война сняла завясу съ могущества николаевской Россіи; она обнаружилась во всей наготѣ своего безсилія. Николай умеръ и наслѣдникъ его возвѣстилъ новую эру для Россіи и Польши. Польша ожила; сильно забилось ея сердце, въ которомъ воскресла надежда на лучшую будущность, съ сильнымъ пульсомъ ожидала она пріѣзда Александра: онъ раскуетъ ея цѣпи, онъ осушитъ ея слезы, залечитъ ея раны и вернетъ ей то, что варварски похитилъ его отецъ; наконецъ онъ явился: „Pas des reveries, pas des reveries, tout ce qu'a fait mon père était bien fait!“ былъ его отвѣтъ на всѣ надежды Польши... Еще тяжелѣе почувствовала она тяготившія ее цѣпи, еще сильнѣе давило ее иго Мухановыхъ, Горчаковыхъ и др. —

Между тѣмъ на югѣ началъ подниматься народъ, давно уже нохороненный европейскою дипломатіею; разорванная на части Италія съ оружіемъ въ рукахъ стала добиваться единства и

освобожденія отъ угнетавшихъ ее деспотовъ. Съ сильнымъ біеніемъ сердца прислушивалась Польша къ звуку оружія въ Италіи, къ крикамъ свободы раскованнаго народа; каждый успѣхъ итальянцевъ подавалъ и ей надежду на возможность скораго воскресенія. —

А положеніе Польши становилось все несноснѣй и несноснѣй. Вмѣсто обѣщанныхъ коренныхъ реформъ правительство дало двѣ, три полу реформы, никого не удовлетворившія. Вмѣсто университета открыли медицинскую академію, которая въ десять лѣтъ развила бы медицинскій пролетаріатъ, не давъ государству разносторонне-образованныхъ людей и дѣйствительныхъ талантовъ. Правительство и тутъ слѣдовало своему старому правилу, — дѣлать необходимыя матеріяльныя улучшенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовать всякому духовному развитію народа.

Польша чувствовала потребность высказаться: демонстрація на Гроховомъ полѣ 27 февраля 1861 года должна была напомнить правительству, что польскій народъ не забылъ ни 31 года, ни того, что̀ Николай уже отнялъ. Исходъ этой демонстраціи всѣмъ извѣстенъ; полоумный Горчаковъ потерялъ въ этотъ день послѣднюю частичку ума, которая еще у него оставалась;

послать войско и разогнать народъ выстрѣлами казалось ему лучшей мѣрой для прекращенія волненія; пять человѣкъ пало: это были первые мученики новой польской революціи. Употреблять военную силу противъ мирнаго собранія, отвѣчать выстрѣлами на мольбы несчастнаго народа, могло только еще больше раздразнить народъ и подать поводъ къ дальнѣйшимъ волненіямъ. Такъ и было. Остервененіе поляковъ на правительство было страшное; смерть первыхъ мучениковъ, вмѣсто того чтобъ испугать, возбудила только желаніе къ подражанію. — Нѣсколько извѣстнѣйшихъ лицъ Варшавы, между которыми былъ и всѣми почитаемый архіепископъ Фіалковскій, одна изъ свѣтлѣйшихъ головъ католическаго духовенства, послали императору адресъ, *) въ которомъ въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ высказаны были самыя настоятельныя нужды народа и требовалось ихъ удовлетворенія. Пока въ Варшавѣ ожидали отвѣта, делегація изъ представителей всѣхъ сословій, между которыми былъ популярный графъ За-

*) Адресъ этотъ, первоначально имѣвшій цѣлію требовать только устройства въ Варшавѣ университета, былъ составленъ польскими студентами всѣхъ русскихъ университетовъ и делегаціями отправленъ въ Варшаву.

мойскій, сапожникъ Гишпанскій, каноникъ Вышинскій и раввинъ Мейзельсъ, отправилась къ Горчакову съ требованіемъ немедленнаго консигнированія войскъ въ казармахъ, временаго прекращенія полицейской дѣятельности и позволенія устроить торжественныя похороны убитымъ; только въ такомъ случаѣ она ручается за спокойствіе города. Окончательно растерявшійся Горчаковъ далъ на все свое согласіе. Делегація управляла городомъ, патрули изъ студентовъ академіи и szkoły sztuk pięknych поддерживали въ городѣ порядокъ; и надо было видѣть *какой* порядокъ царствовалъ тогда въ Варшавѣ; это не былъ тотъ порядокъ, о возстановленіи котораго генералъ Себастіани говорилъ во французской палатѣ депутатовъ: это былъ, порядокъ жизни — тогда когда тотъ былъ порядокъ кладбища. Достаточно было появленія одного студента, чтобъ возстановить спокойствіе въ самыхъ шумныхъ сборищахъ. — Вскорѣ устроены были похороны павшимъ 27 февраля; день этихъ похоронъ останется вѣчно памятнымъ въ исторіи Польши. Она въ этотъ день отреклась отъ многихъ своихъ старыхъ грѣховъ и ошибокъ; она протянула руку примиренія еврейскому племени, которое она столько вѣковъ не-

винно преслѣдовала. Почти все населеніе Варшавы учавствовало въ похоронной процессіи; нигдѣ на улицахъ не видно было полиціи, однако порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. (Порядокъ, царствовавшій въ этотъ день въ Варшавѣ могъ бы показать людямъ, непонимающимъ порядка безъ полиціи, что послѣдняя не только его не поддерживаетъ, а напротивъ, обнаруживая своимъ присутствіемъ недовѣріе къ народу, этимъ самымъ оскорбляетъ его и вызываетъ на безпорядки.) Отвѣтъ государя прибылъ чрезъ нѣсколько недѣль. Трудно было придумать, что нибудь подлѣе и оскорбительнѣе этого отвѣта. Сначала обругавъ подписавшихъ адрессъ за дерзость обращаться къ нему съ просьбами, основываясь на уличныхъ демонстраціяхъ злоумышленниковъ, императоръ послѣ говоритъ, что онъ могъ бы ихъ и высѣчь и сослать въ Сибирь за эту дерзость, но по добротѣ души этого не дѣлаетъ и прощаетъ имъ съ тѣмъ, чтобы впредь съ *такими прошеніями не входить.* Таковъ былъ смыслъ отвѣта; негодованіе, которое онъ возбудилъ въ Польшѣ, было всеобщее.

Чрезъ два дня послѣ этого отвѣта, еще не успѣвшаго разойтись по всей Польшѣ, пріѣхалъ въ Варшаву адъютантъ государя (кажется Шу-

валовъ) съ приказомъ императора, въ которомъ велѣно было устроить государственный, городскіе и уѣздные совѣты, обѣщалось устройство университета и перемѣна всей системы воспитанія. Даже русскому правительству трудно было поступить болѣе глупо, неполитически и непослѣдовательно, чѣмъ оно поступило въ этомъ случаѣ. Эти самыя реформы, присланныя въ отвѣтъ на адрессъ, не только удовлетворили бы поляковъ, но отняли бы у самыхъ недовольныхъ всякій поводъ къ дальнѣйшимъ демонстраціямъ. Но прежде обругать, а послѣ дать больше, чѣмъ надѣялись самые сангвиническіе приверженцы адреса, это значило показать Польшѣ, что правительство не обращаетъ никакого вниманія на законныя требованія народа, что обѣщаніе реформъ неискренно и дано только въ испугѣ демонстраціи. (Поспѣшность, съ которою Шуваловъ пріѣхалъ въ Варшаву съ уступками, чрезъ два дня послѣ отвѣта императора, дѣлало это предположеніе чрезвычайно вѣроятнымъ.) Польша знала, что значатъ и какъ прочны реформы, даваемыя правительствомъ въ минуты страха. То, что̀ двумя днями прежде надолго успокоило бы Польшу, — теперь не было даже достаточнымъ, чтобъ побудить поляковъ снять трауръ по пяти

убитымъ 27 февраля. Недовѣріе къ правительству еще больше увеличилось; увидѣвъ, что оно такъ испугалось первой демонстраціи, поляки думали, что имъ стоитъ только демонстрировать дальше, чтобъ заставить правительство привести въ исполненіе обѣщанныя реформы. Вмѣсто того, чтобы, не обращая никакого вниманія на эти мирныя демонстраціи, искренно и усердно дальше проводить реформы и этимъ отнять у нихъ всякій поводъ и значеніе, правительство сочло нужнымъ начать самыя жестокія преслѣдованія за ношеніе траура, конфедератокъ и пѣніе патріотическихъ пѣсень; вмѣсто того, чтобы дать пожару потухнуть за недостаткомъ горючаго матеріала, правительство еще подливало масло въ огонь.

Вскорѣ за пріѣздомъ Шувалова, палъ Муханов, столько лѣтъ пившій кровь и высасывавшій кости несчастной Польши. Тогда опять выступилъ на сцену Вельепольскій; всѣ событія, слѣдовавшія въ Польшѣ за этимъ, тѣсно связаны съ самимъ маркизомъ; непосредственно или посредственно онъ въ нихъ играетъ самую важную роль. — Призванный быть директоромъ Komissyi spraw wewnętrznych i duchownych, Вельепольскій вскорѣ забралъ въ свои руки и управленіе финансами и народнымъ просвѣщеніемъ. Съ свойственною ему энергіею принялся онъ за проведеніе реформъ, ломая предъ собою всѣ препятствія, какія ставили ему правительство и *партія дѣйствія* и не обращая никакого вниманія на общественное мнѣніе страны. Встрѣтивъ при самомъ своемъ вступленіи въ новую должность

недовѣріе страны, не очень благоволившей ему за его безчисленные процессы, маркизъ вмѣсто того, чтобъ стараться заслужить ея довѣріе, пошелъ натрекоръ народному мнѣнію и даже старался его при каждомъ случаѣ оскорблять. Желая быть единственнымъ воскресителемъ Польши, онъ съ недовѣрчивостью смотрѣлъ на дѣйствія Towarzystwa Rolniczego.

Какъ единственное дозволенное правительствомъ общество, имѣвшее цѣлію благосостояніе Польши Towarzystwo Rolnicze было чрезвычайно популярно и любимо въ Польшѣ; нужно сказать правду, что популярность эта была совершенно незаслуженная; напротивъ, если революція теперешняя будетъ подавлена, то вся вина напрасно пролитой крови падетъ на это Towarzystwo, которое, допустивъ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса правительствомъ, лишило революцію содѣйствія почти всего крестьянскаго сословія. А еслибъ оно неставило выше всего свои сословные интересы, то давно уже могло бы устроить крестьянъ, вмѣсто того, чтобъ проводить время въ безплодныхъ засѣданіяхъ и разсужденіяхъ. Вельепольскій понималъ, что допустивъ Towarzystwu разрѣшить крестьянскій вопросъ, онъ дастъ ему этимъ опасное оружіе противъ правитель-

ства, и первымъ его дѣломъ было закрыть это общество, подъ предлогомъ, что оно, играя политическую роль, удалилось отъ своего первоначальнаго назначенія и составляетъ какъ бы государство въ государствѣ и этимъ мѣшаетъ правительству въ проведеніи предпринятыхъ реформъ. — Распущеніе Towarzystwo rolniczego оскорбило поляковъ и возбудило сильнѣйшее негодованіе. За этимъ впослѣдовали ужасы 8 апрѣля.

Спокойно возвращавшійся съ кладбища народъ заперли со всѣхъ сторонъ на площади предъ замкомъ и напустили на него пьяныхъ солдатъ и казаковъ, начавшихъ рѣзню рѣдкую даже въ исторіи Польши послѣднихъ 70 лѣтъ. Горчаковъ съ своимъ штабомъ любовался видомъ какъ казаки убивали безоружныхъ людей, какъ они прокалывали дѣтей, на рукахъ матери какъ они гвоздями прибивали конфедератки къ головамъ и какъ они женщинъ за волосы топили въ Вислѣ. Онъ думалъ, что теперь ему вѣрно удастся вызвать возстаніе и имѣть предлогъ отнять данныя реформы; но онъ ошибся; народъ только упалъ на колѣни и громко пѣлъ Boże cós Polskę; солдаты изрубили священника съ крестомъ въ рукахъ, шедшаго предъ своимъ орденомъ:

еврей схватилъ крестъ у упавшаго и пошелъ впередъ. Цѣлый день пьяное и остервененное войско убивало людей, спокойно ходившихъ по улицѣ.

Что дѣлалъ въ этотъ день Вельепольскій? Сначала онъ хотѣлъ остаться дома, но потомъ тѣснимый со всѣхъ сторонъ своими знакомыми, онъ отправился къ намѣстнику, какъ то нехотя и медля, тогда какъ отъ каждой минуты зависѣли сотни жизней. Видно было, что хотя онъ не одобрялъ самыхъ убійствъ, но въ душѣ радовался, что этотъ денъ его избавитъ отъ ненавистной ему партіи дѣйствія и дастъ возможность спокойно продолжать начатыя улучшенія. Народъ, (можетъ быть инстинктивно) понялъ, что происходило въ душѣ Вельепольскаго: онъ встрѣтилъ его камнями. —

Терроризмъ, наступившій послѣ 8 апрѣля, вмѣсто того, чтобъ напугать и успокоить, еще больше раздражалъ народъ и закаливалъ его въ опасностяхъ; самопожертвованіе и презрѣніе къ опасностямъ дошло до фанатизма, до безумія. — Время прошедшее отъ 8 апрѣля до 15 октября перевоспитало польскій народъ такъ, какъ не могли бы этого сдѣлать десятки лѣтъ спокойнаго

развитія. Польша провела это время въ исправленіи своихъ ошибокъ, въ сближеніи съ евреями и крестьянами. Вожди партіи дѣйствія понимали, что сближеніе всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій и ихъ совокупное содѣйствіе необходимо для успѣха общаго дѣла и что это содѣйствіе можетъ понадобиться въ самомъ скоромъ времени. Для достиженія этого сближенія помощью журналистики, полемики, дебатовъ и рѣчей не было ни времени ни возможности при тогдашнемъ состояніи цензуры; да и притомъ путь этотъ не только слишкомъ медленъ, но иногда приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Партія дѣйствія выбрала другой путь, болѣе дѣйствительный и болѣе соотвѣтствующій самому существу этой партіи, вся сила которой заключается имѣнно въ *дѣйствіи*, а не въ *словѣ*. (Исторія показала, что всегда, когда партія дѣйствія уклоняется отъ своего прямаго назначенія и употребляетъ *слово* тамъ, гдѣ нужно *дѣйствіе*, то она губитъ себя и свое дѣло.) — Публичные спектакли, внѣшнія зрѣлища всегда поражаютъ и сильно дѣйствуютъ на массы; часто повторяемыя, они способны, разумѣется, если сопровождаются соотвѣтственными дѣйствіями, производить на

нихъ сильное и продолжительное впечатлѣніе.*) Партія дѣйствія этимъ путемъ и стала дѣйствованіе на народъ. Все лѣто Варшава, а съ нею и цѣлая Польша, представляла огромную сцену, на которой одна процессія, одно торжественное шествіе постоянно смѣнялось другимъ. Католическіе епископы расхаживали по улицамъ подъ руки съ еврейскими раввинами; синагоги были полны христіанъ, приходившихъ слушать проповѣди еврейскаго проповѣдника, тогда какъ евреи пѣли патріотическія пѣсни въ католическихъ костелахъ. Варшавскіе работники, слуги, а иногда и уличники устраивали въ церквахъ панихиды, на которыхъ по приглашенію являлась первая аристократія города, иногда, напротивъ, аристократія приглашала уличниковъ и работниковъ. На кладбищахъ устраивались богослуженія; тамъ народные ораторы въ восторженныхъ рѣчахъ призывали къ единодушію: jedność i zgoda это единственное средство, чтобы достигнуть wolności, równości i niepodległość, эти три слова скрижалями врытыя въ сердцѣ каждаго поляка;

*) Католичество обязано свимъ огромнымъ вліяніемъ на массы только театральности своего богослуженія.

тамъ ксендзъ обнимался съ пасторомъ и раввиномъ, прекрасная полька цѣловалась съ еврейскою торговкою. Крестьянамъ, приходившимъ въ городъ, давались обѣды, на которыхъ услуживали дворяне, купцы, студенты и евреи. — Странно казалось съ перваго взгляду видѣть, какъ этотъ народъ, стонущій подъ самымъ дикимъ деспотизмомъ, одѣтый въ трауръ по жертвамъ, каждый день вырываемымъ у него его палачомъ, народъ отказавшійся отъ театровъ, баловъ и музыки, занимается подобными спектаклями и зрѣлищами въ такое грустное время; у людей поверхностныхъ подобныя зрѣлища вызывали даже насмѣшки. Но въ сущности все это имѣло огромный смыслъ и обѣщало въ будущемъ богатые плоды. Прекрасное зрѣлище представляли эти люди, которыхъ раздѣляли столѣтія слезъ и крови, протягивающіе другъ другу руку братства и примиренія. Время отъ 8 апрѣля до 15 октября было временемъ народной экспіаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ нравственнаго перерожденія и народнаго перевоспитанія. Сколько бы враги Польши не утверждали, что все это было только средствомъ одурачить и привлечь на свою сторону евреевъ и крестьянъ, но смѣло

можно сказать, что это время не останется безъ благодѣтельныхъ послѣдствій для всѣхъ поляковъ, къ какому бы вѣроисповѣданію и сословію они не принадлежали. Положимъ, что полки послѣ поцѣлуевъ съ еврейками умывали таки себѣ губы одеколономъ, что ксендзы послѣ прикосновенія съ невѣрными мылись таки святою водою; но ни святою ни несвятою водою изъ памяти евреевъ и крестьянъ нельзя уже смыть сознанія, что ихъ права наконецъ признаны; отнять то, что̀ имъ разъ дано, уже невозможно. Если работники, евреи, а отчасти и крестьяне, несмотря на всѣ старанія правительства, принимаютъ теперь участіе въ революціи, то только благодаря тому времени. —

Между тѣмъ Горчаковъ умеръ; мѣсто его занялъ Сухозанетъ; въ сущности намѣстникъ имѣлъ тогда подъ собою только военную силу; вся гражданская власть сосредоточивалась въ лицѣ Вельепольскаго. Могущество его доходило въ это время до того, что когда между нимъ и Сухозанетомъ возникъ споръ по поводу оскорбленія солдатами католическаго костела, то правительство, какъ ему ни трудно было найти преемника Сухозанету, отозвало его, а оставило

Вельепольскаго; до такой степени оно было убѣждено въ его необходимости.*) —

Послѣ Сухозанета намѣстникомъ назначенъ былъ Ламбертъ; его назначеніе впрочемъ не имѣло никакого вліянія на образъ дѣйствій правительства. — О реформахъ и улучшеніяхъ, сдѣланныхъ правительствомъ въ это время и говорить не стоитъ, потому что всѣ они сдѣланы были только на бумагѣ, и при военномъ терорѣ, царствовавшемъ въ Варшавѣ, не могли ни на волосъ улучшить положенія Польши, бывшаго въ это время еще хуже, чѣмъ при блаженномъ царствованіи Николая. Правительство открыло городскіе и уѣздные совѣты, но только для того, чтобъ пощегоять предъ Европой своимъ либерализмомъ; при первомъ свободномъ словѣ, раздавшемся на этихъ совѣтахъ, оно не только ихъ закрывало но и ссылало въ Сибирь тѣхъ изъ

*) Когда по городу разнесся слухъ о спорѣ Вельепольскаго съ Сухозанетомъ и о твердости съ какою онъ выступилъ то дръ Х. сказалъ ему, что его пулярность въ народѣ начинаетъ увеличиваться; Вельепольскій схватился за голову: „вѣрно я какую нибудь большую глупость сдѣлалъ!“ воскликнулъ онъ. Еще одинъ случай, показывающій до какой степени онъ презираетъ общественное мнѣніе: Когда ему сказали, что народъ повѣсилъ его портретъ въ саксонскомъ саду, то онъ преспокойно отвѣчалъ: „теперь только! я удивляюсь, почему они давно этого не сдѣлали!“

членовъ, которые позволяли себѣ предлагать хоть какое нибудь, даже самое скромное и законное улучшеніе. Правда, что правительство въ такихъ случаяхъ обыкновенно извинялось исключительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Польша, какъ будто бы это положеніе не было вызвано самимъ правительствомъ и существовало только теперь, а не съ 32 года, или лучше сказать, съ самаго раздѣла Польши, и какъ будто это исключительное положеніе можетъ когда нибудь прекратиться, пока Польша насильно будетъ связана съ Россіею! —

Такъ прошло время до 15 октября. Правительство слишкомъ нелѣпое, чтобъ хоть нѣсколько времени сряду либеральничать, наконецъ прорвалось. Оно жалѣло даже, что дало и эти жалкія реформы и искало случая отнять и ихъ. Оно повторило опытъ, неудавшійся 8 апрѣля. — Войско окружило церкви, въ которыхъ народъ собрался чтобъ отслужить панихиду по Костюшкѣ, и въ продолженіи 24 часовъ никого не выпускало. Видя, что народъ преспокойно молится дальше и не думаетъ о сопротивленіи, солдаты наконецъ ворвались въ церковь; козаки на коняхъ начали рубить все, что̀ ни попадалось имъ подъ руки; старики, женщины, образа, алтари, ничто не было

пощажено, чтобъ только вызвать сопротивленіе состороны народа; но все было напрасно: маневръ, не удавшійся 8 апрѣля еще менѣе удался 15 октября. Начиная отъ 27 февраля, польскій народъ поднимался все выше и выше въ самоотрицаніи, готовности къ жертвамъ и политической мудрости; 15 октября онъ достигъ апогеи своего внутренняго величія. Самый привязанный къ увеселеніямъ народъ въ Европѣ, уже отказался по милости русскаго правительства отъ театровъ, баловъ и другихъ увеселеній; послѣ 15 октября онъ сдѣлалъ еще больше по оскорбленіи его святыни, самый католическій народъ въ мірѣ отказался отъ богослуженія; онъ заперъ свои церкви и только дома еще молился за свободу и отечество. Еслибы 15 октября и не имѣло другихъ послѣдствій какъ только то, что пріучило поляковъ цѣлые мѣсяцы обходиться безъ церкви такъ и тогда друзьямъ Польши нечего жалѣть его!—

Но этотъ день имѣлъ и другія послѣдствія. Ламбертъ, давшій Герштенцвейгу позволеніе на мерзости этого дня, въ надеждѣ, что вызванное ими сопротивленіе его оправдаетъ, отрекся отъ своего позволенія, когда вызовъ не былъ принятъ. Герштенцвейгъ застрѣлился. Правительство, видя, что Поляки заперли свои церкви и не зная, что

ей дѣлать съ тысячами арестованныхъ въ этотъ день, окончательно растерялось. Вельепольскій отправился въ Петербургъ, взявъ или получивъ отставку — неизвѣстно. Онъ видѣлъ, что, при теперешнемъ раздраженіи общественнаго мнѣнія противъ правительства, не можетъ продолжать своей дѣятельности; нужно было какой нибудь огромною уступкой произвести реакцію въ общественномъ мнѣніи и Вельепольскій сталъ хлопотать о назначеніи Константина намѣстникомъ въ Польшу. Дѣятельность Вельепольскаго въ Петербургѣ еще до сихъ поръ не совсѣмъ разъяснена; но сколько можно судить по тупости, и трусости петербургскаго двора, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, то трудъ его былъ нелегкій; а если къ тому еще взять во вниманіе негибкость характера самого Вельепольскаго, никогда не сгибающагося предъ препятствіями, а ломающаго ихъ предъ собою, и нежеланіе самого Константина, то дѣйствительно нужно удивляться громадному уму и энергіи маркиза, успѣвшему наконецъ восторжествовать. Слѣдующій случай изъ пребыванія его въ Петербургѣ характеристиченъ; когда онъ въ первый разъ явился ко двору, то церемонимейстеръ не зналъ куда его помѣстить, такъ какъ онъ не имѣлъ никакого

чина; но маркизъ нашелъ себѣ мѣсто: онъ сталъ при дипломатическомъ корпусѣ, какъ бы посолъ чужой державы. — Вѣроятно по его старанію и былъ выбранъ архіепископомъ простой ксендзъ Фелинскій.*) —

*) Папѣ за его конфирмацію заплатили, какъ говорятъ, порядочную сумму; да притомъ погрозили, въ случаѣ отказа, признать итальянское королевство.

Константинъ, неиспуганный даже покушеніемъ на Лидерса, прибылъ въ Варшаву; до такой степени Вельепольскій успѣлъ его убѣдить, что съ его пріѣздомъ все пойдетъ въ Польшѣ иначе. Покушеніе Ярошинскаго однако скоро показало, что польскому народу нужно что нибудь больше одной замѣны Лидерса Константиномъ и крещенія намѣстникова сына польскимъ именемъ; что военный произволъ, исходящій даже непосредственно изъ царскихъ лапочекъ императорскаго братца тоже не можетъ удовлетворить Польши. То, что̀ два года тому назадъ можетъ быть и удовлетворило бы кого нибудь, то теперь послѣ 27 февраля, 8 апрѣля, 15 октября и двухъ лѣтъ постоянныхъ мученій и убійствъ, было слишкомъ поздно; Польша принесла въ это время, слишкомъ много жертвъ, она слишкомъ ясно видѣла чего сто̀ятъ Scheinreformen, вынуждаемыя

у русскаго правительства, чтобъ довольствоваться подобными мелочными уступками. Она требовала теперь (и имѣла полное право это дѣлать) совершенно отдѣльной отъ Россіи администраціи и возвращенія ей отнятой у ней конституціи; Польша была слишкомъ благородна для того, чтобъ удовольствоваться улучшеніемъ (еслибъ назначеніе Константина и служило залогомъ подобнаго улучшенія) своего быта, тогда какъ Литва и Русь, столько изъ за нея страдавшія, оставались бы подъ желѣзнымъ гнетомъ Россіи. Это чувство и руководило поляками при составленіи адресса Замойскаго. —

Вельепольскій, еще больше раздраженный своей послѣднею неудачею, атентатами на его жизнь и сопротивленіемъ невидимаго центральнаго комитета, противодѣйствовавшаго всѣмъ его распоряженіямъ, рѣшился во что бы то ни стало избавиться отъ ненавистной ему партіи дѣйствія. Онъ употребилъ для этого старый маневръ два раза уже неудавшійся: — вызвать какимъ нибудь новымъ варварствомъ активное сопротивленіе страны, поставить народное терпѣніе на послѣднюю пробу и, силой раздавивъ своего невидимаго врага, остаться наконецъ единодержавнымъ властелиномъ судебъ Польши (я говорю единодер-

жавнымъ, потому что въ сущности онъ, а не Константинъ былъ намѣстникомъ, Константину не довѣряли даже главнаго начальства надъ арміею). —

Удаленіе Замойскаго было прологомъ къ завязывавшейся драмѣ: надо было удалить человѣка до тѣхъ поръ успѣшно удерживавшаго народъ отъ преждевременной вспышки. Съ нимъ сыграли самую глупую, но вмѣстѣ съ тѣмъ самую подлую комедію, окончившуюся для него весьма трагически. Константинъ *словесно* пригласилъ Замойскаго представить ему адрессъ, въ которомъ бы были выражены всѣ истинныя нужды польскаго народа; прежде чѣмъ Замойскій успѣлъ окончательно обсудить и обработать его, его арестовали, обыскали и съ тріумфомъ нашли у него копію адресса, какъ будто бы онъ когда нибудь думалъ его скрывать. Нашъ доморощенный Макіавелли, либеральничающій Константинъ счелъ долгомъ отпереться отъ приглашенія, сдѣланнаго Замойскому; его свезли подъ конвоемъ въ Петербургъ, гдѣ при свиданіи съ императоромъ, послѣдній пригласилъ его проѣздиться на нѣсколько лѣтъ за границею, утѣшивъ его при этомъ обѣщаніемъ просить бога, чтобъ онъ просвѣтилъ его умъ. При малѣйшемъ намекѣ Замойскаго на возвра-

щеніе Польшѣ конституціи, Александръ нетерпѣливо прерывалъ его, говоря, что это рѣшительно невозможно. Пріѣхавъ въ Парижъ, Замойскій узналъ, что жена его въ Варшавѣ при смерти больна; онъ просилъ о позволеніи пріѣхать хоть на нѣсколько дней; телеграфическая проволока сочла своею священною обязанностью на этотъ случай порваться и донести эту просьбу уже послѣ смерти графини. Добродушный Александръ, которому богъ вѣроятно еще не просвѣтилъ ума, отказалъ Замойскому даже въ пріѣздѣ на похороны жены. —

Удаливъ Замойскаго, Вельепольскій приступилъ къ дѣлу; средствомъ къ вызову революціи на этотъ разъ былъ наборъ. —

Много писали о дѣятельности Вельепольскаго; Клячко, Форкадъ, Мазадъ и др. остроумно и справедливо оцѣнивали его дѣятельность съ различныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія. Но, сколько мнѣ извѣстно, никто изъ нихъ не обратилъ еще вниманія на самую характеристическую сторону его дѣятельности; всѣ они его ставили въ противоположность ко всѣмъ другимъ вождямъ аристократической Польши, тогда какъ если они между собою въ чемъ нибудь и различаются, то развѣ только въ средствахъ, употребляемыхъ ими къ достиженію своихъ цѣлей, въ сущности тождественныхъ между собою. Антагонизмъ ихъ имѣетъ основаніе во 1хъ въ личной враждѣ къ самому Вельепольскому по поводу его безчисленныхъ процессовъ, а во 2хъ въ крутости нрава самаго маркиза и въ его презрѣніи къ путямъ, употребляемымъ аристократическою партіею. Да

притомъ антагонизмъ между польскими аристократами, — это такая естественная вещь, что его и объяснять не нужно: исторія паденія Польши служитъ уже достаточнымъ объясненіемъ.

Къ чему стремится аристократическая партія въ Польшѣ? Во 1хъ къ огражденію своихъ сословныхъ преимуществъ и интересовъ, а слѣдовательно къ противодѣйствію и уничтоженію демократическихъ пропагандистовъ даже *цѣлою своей національной независимости*, а во 2хъ къ достиженію отъ правительства хоть какихъ нибудь реформъ, которыя бы дали ей вѣсъ и силу въ государствѣ; тогда какъ теперь она подъ желѣзнымъ гнетомъ русскаго правительства уравнена съ ненавистной ей демократіею. — Вельепольскій имѣлъ тѣ же цѣли; кромѣ того онъ еще надѣялся съ помощью Россіи когда нибудь возвратить Польшѣ Галицію и Познань. —

Какими средствами польская аристократія старается достичь своихъ цѣлей? Она пишетъ адрессы къ русскому правительству и подличаетъ предъ нимъ, но въ то же время ухаживаетъ въ передняхъ французскихъ и англійскихъ вельможъ, вымаливая у нихъ помощи противъ русскаго же правительства, и въ добавокъ она еще изъ трусости кокетничаетъ съ демократическою партіею,

стараясь ее провести и воспользоваться ея силою для своихъ цѣлей. Такая политика аристократической партіи — недальновидна, узка и вмѣстѣ съ тѣмъ труслива, подла и унизительна. — Что дѣлаетъ Вельепольскій? — Убѣдясь въ безполезности надеждъ на помощъ Запада и безплодности просьбъ и адрессовъ къ русскому правительству, онъ оторвался совершенно отъ Запада; а у правительства, вмѣсто того чтобы просить, онъ сталъ требовать улучшеній и реформъ, обѣщая ему за это содѣйствіе польскаго народа въ его панславистическихъ стремленіяхъ, а въ противномъ случаѣ пугая его народными волненіями; что касается самой демократіи, которою онъ пугалъ правительство, то ее въ свою очередь онъ укрощалъ силою правительства. Политика его совершенно достойна его громаднаго ума, его сильной и рѣшительной энергіи и его гордой властолюбивой натуры, и во всякомъ случаѣ умнѣе и даже благороднѣе политики остальной аристократіи. Я ничуть не намѣренъ защищать стремленія или политику Вельепольскаго; напротивъ, я отчаянный противникъ и того и другаго; но я только хотѣлъ показать, что онъ больше ничего какъ умное и единственно заслуживающее уваженія явленіе въ аристократической партіи

и что *эта* партія не имѣетъ права его упрекать, такъ какъ она еще хуже его. И если бы Вельепольскій даже дѣйствительно заслужилъ названіе *измѣнника,* то такое же право на этотъ титулъ имѣли бы и другіе члены аристократической партіи. —

Другое дѣло демократія: между нею и Вельепольскимъ уже разница не только въ *средствахъ* но и въ *цѣляхъ.* — Я не стану говорить объ отличіи демократическихъ стремленій польской народной партіи отъ аристократическихъ цѣлей Вельепольскаго; это отличіе или лучше сказать эта противоположность ясно вытекаетъ изъ самаго существа этихъ партій и тождественна съ борьбою этихъ же элементовъ у другихъ народовъ Европы. Скажу только о самомъ необходимомъ слѣдствіи стремленій Вельепольскаго, именно объ отреченіи Польши отъ своей національной независимости. —

Я самъ не приверженецъ національныхъ стремленій, потому что они часто не только не включаютъ въ себѣ внутренней и политической свободы, но даже исключаютъ ее. Нѣмцы, боровшіеся въ 13 году за свою національную независимость не только не добились новой внутренней свободы, но съ радости не замѣтили

того, что потеряли и ту малую толику, которою пользовались до того времени. Національныя стремленія и споры погубили большую часть революціи 48 и 49 года. Самая сущность національныхъ стремленій, именно классификація людей на роды и племени, какъ птицъ различаютъ по цвѣту перьевъ и по пѣнію, имѣетъ уже въ себѣ что-то унизительное для человѣческаго достоинства. Смотрѣть на языкъ какъ на высшій принципъ, обусловливающій супрематію народовъ, это величайшее варварство въ 19 вѣкѣ, стремящемся изгладить всѣ сословныя и національныя различія. Залогъ будущей свободы и силы народовъ лежитъ не въ обособленіи національностей, а напротивъ въ ихъ солидарности и союзѣ. Я твердо убѣжденъ, что въ тотъ день, когда всѣ сословныя и національныя различія изгладятся, когда человѣчество дойдетъ до сознанія, что нѣтъ ни мѣщанъ ни дворянъ, ни французовъ, ни нѣмцевъ, ни русскихъ, а есть только *люди,* въ тотъ день оно избавится отъ всѣхъ снѣдающихъ его недуговъ: не будетъ у него тогда ни правительствъ, ни піявокъ, божьею волею сосущихъ его кровь, ни обезъянъ, народною волею его грабящихъ, ни морскихъ ни сухопутныхъ чудовищъ, высасывающихъ у народовъ послѣдніе

соки изъ костей, ни темницъ для души, называемыхъ церквами, ни темницъ для тѣла, ни другихъ тому подобныхъ нелѣпостей. Правительства со всѣми этими мерзкими атрибутами держатся теперь только на основаніи нашихъ сословныхъ и національныхъ различій, подъ предлогомъ защиты насъ отъ какихъ-то внутреннихъ опасностей и какихъ-то покушеній другихъ народовъ на нашу независимость; а въ сущности и эти внутреннія опасности и внѣшнія покушенія созидаются только самими правительствами, чтобъ насъ дурачить. —

Но стремленіе Польши къ національной независимости есть что-то другое, — а не одно эфемерное желаніе отдѣлиться и быть самостоятельною. Нѣтъ. Это стремленіе вытекаетъ изъ сознанія, что *Польша не можетъ безъ самаго сильнаго ущерба своимъ важнѣйшимъ внутреннимъ интересамъ оставаться добровольно (а еще менѣе принужденно) соединенною съ Россіею.* Польскій народъ, стоя въ политическомъ развитіи гораздо выше русскаго, имѣетъ и совершенно другія пути въ жизни, и связать ихъ вмѣстѣ — это мѣшать каждому изъ нихъ свободно и нормально развиваться. Я постараюсь показать, что польскій народъ дѣйствительно политически опередилъ

русскій и по какимъ именно причинамъ Польша не можетъ быть соединена съ Россіею.

Тогда какъ въ Россіи еще не выработалось политически ни одного сословія, которое могло бы стать на одномъ уровнѣ съ соотвѣтственнымъ ему сословіемъ въ Европѣ — Польша, напротивъ того, имѣетъ три сословія, въ политической зрѣлости и гражданскомъ развитіи не уступающія этимъ же тремъ сословіямъ Запада. Аристократія Польши можетъ стать на одномъ уровнѣ съ любою аристократіею европейскаго континента, какъ въ отношеніи своего историческаго прошедшаго, такъ и по матеріальному своему положенію. Среднее сословіе польское, если въ умственномъ образованіи и стоитъ немного ниже этого сословія во Франціи и Германіи, то за то полно гражданскаго мужества, сознанія своего достоинства и нелюбви къ родовой аристократіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не въ такой степени привязано къ мѣшку, чтобы не было доступно болѣе благороднымъ порывамъ; торговые и купеческіе интересы не на столько еще закабалили его душу, чтобъ оно не способно было на высокія жертвы для пользы своего отечества. Кромѣ этихъ двухъ сословій въ Польшѣ есть пролетаріатъ со всѣми атрибутами французскаго или англійскаго про-

летаріата: это сословіе бѣдныхъ ремесленниковъ и работниковъ вполнѣ чувствующихъ всю несправедливость и несчастіе своего положенія и желающихъ во что бы то ни стало изъ него выйти. Если до сихъ поръ не доходило до насильственныхъ проявленій этихъ стремленій, то только благодаря во 1хъ благоразумію и умѣренности другихъ сословій а во 2хъ тому, что исключительное положеніе Польши убило въ ней почти всякую внутреннюю политическую жизнь и обратило все вниманіе и всѣ усилія поляковъ на то, чтобъ избавиться прежде всего отъ общаго своего врага. Неопредѣленность крестьянскихъ отношеній была причиной тому, что крестьянское сословіе съ извѣстными политическими и матеріальными стремленіями до сихъ поръ еще не успѣло выработаться въ Польшѣ.

Можетъ ли Польша при тѣхъ общественныхъ условіяхъ, которыя я здѣсь вкратцѣ изложилъ существовать въ связи съ Россіею безъ ущерба своимъ интересамъ? Что для Польши невыгодно быть насильно скованнымъ подъ однимъ ярмомъ съ Россіею, этого и доказывать нечего. — И такъ мнѣ остается говорить только во 1хъ о союзѣ Польши конституціонной съ Россіею деспотическою, а во 2хъ о союзѣ консти-

туціонной Польши съ конституціонной Россіею. —

Что деспотъ въ Россіи не могъ бы быть въ то же время конституціоннымъ монархомъ въ Польшѣ — это ясно, также какъ ясно, что одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ въ одно время быть и мерзавцемъ и порядочнымъ человѣкомъ. Опасаясь за свое самодержавіе въ Россіи, на которую примѣръ Польши дѣйствовалъ бы заразительно, деспотъ поступалъ бы въ самой Польшѣ какъ можно болѣе неконституціонно и старался бы раздражать народъ до того, чтобы, вызвавъ его на революцію имѣть предлогъ отнять у него эту конституцію. Однимъ словомъ онъ поступалъ бы такъ, какъ поступали Александръ I и Николай, находясь въ такомъ же положеніи. По этой-то причинѣ Александръ II и не хочетъ дать конституціи Польшѣ, зная, что Россія въ такомъ случаѣ слишкомъ громко могла бы потребовать того же и обратно, по той же самой причинѣ русскій народъ долженъ требовать прежде всего возвращенія Польшѣ ея старой конституціи.

Намъ остается еще разсмотрѣть второй случай — именно соединеніе конституціонной Польши съ конституціонной же Россіею. И этотъ

союзъ для Польши невыгоденъ именно потому, что *Польша вообще не можетъ быть конституціонной монархіею.* — Вся конституціонная система съ ея балансами и контребалансами государственныхъ силъ всегда ведетъ къ столкновеніямъ этихъ силъ и поглощенію одной изъ нихъ всѣхъ другихъ. Такъ въ Англіи нижняя палата поглотила всѣ остальныя власти; такъ въ Пруссіи королевская власть перевѣсила власть палаты депутатовъ. — Въ странѣ, гдѣ гражданское мужество стоитъ такъ высоко, какъ въ Польшѣ, гдѣ жертвованіе жизни и имущества для идеи сдѣлалось вещью такъ обыкновенною; въ такой странѣ, говорю я, подобное поглощеніе всѣхъ властей одною непремѣнно повело бы къ кровавымъ столкновеніямъ, а несчастіе Польши именно въ томъ и состоитъ, что три ея сосѣда только и ожидали бы какого нибудь внутренняго раздора для того, чтобы повторить опытъ 1772 года; ей въ прошломъ столѣтіи не дали окончить своей внутренней борьбы и потомъ мирно развиваться, еще меньше допустили бъ ее теперь, когда ея сосѣды опасались бы, чтобъ огонь изъ Польши не распространился и на ихъ зданія. — Самый монаршій престолъ, служащій въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ тѣмъ *единствомъ*, сколачивающимъ

всѣ государственные элементы и этимъ дѣлающій возможнымъ самое существованіе государства, послужилъ бы въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ наслѣдственнаго монарха, только поводомъ къ спорамъ и раздорамъ, какъ это показала ея исторія въ 18 вѣкѣ. — Да и притомъ, гдѣ тѣ благодѣянія конституціонной монархіи, которыя заставили бы Польшу, государство возникающее, а слѣдственно могущее устроиться такъ, какъ ему будетъ лучше, выбрать именно такое государственное устройство? Что такое въ сущности конституціонная монархія? это царство мѣщанъ и педантовъ; это эксплоатація буржуазіею всѣхъ народныхъ силъ. „Буржуазія, говоритъ одинъ нѣмецкій ипублицистъ,*) хотя и печется о рабочемъ классѣ, но она старается отъ него какъ можно дешевле отдѣлаться или, что еще хуже, она благотворительствуетъ; ея участіе основано на разсудительности и заботѣ о спокойствіи владѣнія, а не на любви къ ближнему.“ Практическій конституціонализмъ слишкомъ много опирается на *собственность* и не можетъ вполнѣ сочувствовать тѣмъ, которые ничего не имѣютъ;

*) Die Constitutionellen und Anarchisten von einem Farblosen.

прославленная Англія, съ ея милліонами пролетаріевъ и ирландскихъ рабовъ достаточно это доказываетъ. Конституціонное правленіе не выходитъ изъ принципа господства и не входитъ въ принципъ свободы; оно превращаетъ борьбу жизненныхъ слоевъ изъ острой въ хроническую пока дряхлая жизнь конституціонной монархіи представляетъ картину, какую представляла Франція при Людовикѣ-Филиппѣ. Путь конституціонализма, оттого что онъ такъ стоитъ за сохраненіе монаршей власти, есть путь непослѣдовательный и гибельный. — Чѣмъ держатся въ большей части Европы конституціонныя монархіи послѣ 48 года? Во 1хъ лояльность къ монарху; это самое унизительное чувство, когда либо осквернявшее человѣческое сердце и унижавшее человѣческое достоинство, совершенно чуждо польскому народу, въ которомъ самый бѣдный шляхтичъ могъ быть избранъ въ короли, никогда впрочемъ неимѣвшіе особенной силы въ Польшѣ; царствованіе русскихъ императоровъ мало было способно породить въ полякахъ лояльность къ ихъ особамъ. Во 2хъ военною силою, или лучше сказать, страхомъ предъ этой силой, страхомъ совершенно чуждымъ польскому народу, голыми руками бе-

рущему пушки; „кто имѣетъ руки“, говоритъ польскій центральный комитетъ въ одномъ изъ своихъ возваній, „можетъ достать палку, палкою берутся ружья, а ружьями пушки.“ — Въ 3хъ любовью къ спокойствію, свидѣтельствующею о дряхлости народа или объ его утомленіи послѣ кровавыхъ переворотовъ, заботою о собственности и привязанностью къ грошу, избѣгающею всякихъ насильственныхъ переворотовъ, требующихъ жертвъ; всѣхъ этихъ вещей нѣтъ у народа, всегда готоваго пожертвовать послѣднюю каплю крови и послѣднюю копѣйку за свободу, даже тогда, когда нѣтъ почти надежды на успѣхъ. Въ 4хъ доктринерствомъ, почерпающимъ свои мертвыя теоріи изъ книгъ и желающимъ создавать государства только на основаніи этихъ теорій, безпрестанно толкующихъ о какой-то законности, не желая знать того, что законы, имѣя своимъ источникомъ разумъ, также прогрессивны, какъ и онъ, а слѣдовательно и подлежатъ измѣненіямъ. „Люди ветхаго завѣта“ говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ, „слышали духъ божій даже въ шелестѣ листьевъ и вѣтвей деревьевъ, подъ которыми они ходили; доктринеры не слышатъ его и тогда когда онъ потрясаетъ

основные столбы Европы.“ Доктринерство, эта язва народовъ дряхлыхъ или начавшихъ гнить еще въ юности, совершенно чуждо польскому народу, въ продолженіи 90 лѣтъ безпрестанно поддерживающему борьбу противъ своихъ грабителей, узаконившихъ свой грабежъ вѣнскими трактатами. — И такъ Польша, не имѣя въ себѣ ни одного элемента, способнаго развить и поддерживать конституцію, не можетъ удовольствоваться конституціонной монархіею, если ей представятъ волю распорядиться своею судьбой. Назначеніе конституціонной монархіи или лучше сказать, царства буржуазіи было служить *мостомъ для перехода отъ царства самодержавія и родовой аристократіи къ царству чисто-народному* или къ демократической республикѣ, которая въ свою очередь будетъ только (употребляя остроумное сравненіе Емиля Жирардена) тѣмъ для общества, что̀ лѣса*) для строющагося зданія: когда зданіе кончено, то лѣса снимаются; когда общество наконецъ будетъ устроено на благоразумныхъ основаніяхъ, то и всякое правительство сдѣлается совершенно лишнимъ — Польша, которая еще въ прошломъ столѣтіи была республикою, не можетъ уже теперь быть конститу-

ціонною монархіею; это значило бы захотѣть вернуть назадъ исторію и *вклеить въ исторію 19 вѣка листокъ, который былъ пропущенъ въ 15*мъ *или 16*мъ *вѣкѣ.*

*) échafaudage.

Этой-то невозможности для Польши быть соединенной съ Россіей и не понялъ Вельепольскій и изъ этого непониманія и вытекли всѣ несчастія, которыя онъ навлекъ на свою страну. Онъ не понялъ, что народами руководитъ духъ народный, всегда дальновидный, идущій впередъ и никогда не ошибающійся въ своихъ стремленіяхъ; что орудіе, которое этотъ духъ народный выбираетъ для осуществленія своихъ стремленій, и есть та *партія недовольныхъ* или *партія дѣйствія,* которую такъ презираетъ маркизъ; все великое, сдѣланное въ исторіи человѣчества совершено именно этою *партіею недовольныхъ,* иногда дѣйствующихъ даже безъ сознанія того *духа,* который руководитъ ими. Вельепольскій, думая, что онъ борется съ нѣсколькими отдѣльными личностями, стоявшими можетъ быть въ умственныхъ способностяхъ ниже его, въ сущности боролся съ духомъ цѣлаго народа, лучше маркиза понимавшаго — гдѣ лежитъ его будущность. Прекрасный разсказъ ветхаго завѣта о Іаковѣ,

борющемся съ ангеломъ, не узнавая его, какъ нельзя лучше идетъ къ Вельепольскому; съ той только разницею, что смиренный пастухъ, наконецъ узнавъ своего противника, преклонилъ предъ нимъ колѣна, тогда какъ гордый маркизъ, и увидѣвъ наконецъ *народъ* стоящій за его противниками, не переставалъ съ ними бороться. Этотъ-то народъ и побѣдилъ его.*) —

Я оттого только и сочувствую національнымъ стремленіямъ Польши, что вижу и уважаю народный духъ, руководящій этими стремленіями, что искренно убѣжденъ, что Польша можетъ исполнить свое назначеніе только будучи совершенно независима. Не желая прослыть мечтателемъ и фантастомъ, я не буду говорить какое именно ея назначеніе; скажу только, что народъ, котораго сердце такъ сильно бьется при одномъ словѣ Rzecz-Pospolita, народъ, въ которомъ 2 милліона людей еще въ прошломъ столѣтіи пользовались неограниченною свободою, народъ, котораго единственная ошибка была та, что его личная

*) Сравненіе Вельепольскаго съ Гудсономъ Лове, мучащимъ Наполеона и съ Гайнау, сѣкущимъ женщинъ, сравненіе сдѣланное Принцомъ Наполеономъ, принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ сравненій, когда нибудь сдѣланныхъ принцами.

свобода была неограниченна до невозможности существованія самаго государства и что онъ не *весь* ею пользовался, народъ, который, пройдя 90 лѣтъ школы мученія и гнета, при этомъ не только не упалъ нравственно, но еще успѣлъ подняться до такой степени политическаго развитія, — такой народъ, говорю я, вѣрно имѣетъ предъ собою блестящую будущность. Если славянскіе народы дѣйствительно призваны создать міру новую цивилизацію, то одной изъ главъ этихъ народовъ вѣрно будетъ Польша, столько лѣтъ похороненная и все еще живущая, Польша, принявшая въ себя европейскую цивилизацію, сохранивъ притомъ жизненность непочатого народа. Вольтеръ, другъ Россіи и ея будущихъ судебъ въ 1771 году (годъ предъ раздѣломъ) говорилъ, въ письмѣ къ одной полькѣ, что только потомки народа, спасшаго подъ стѣнами Вѣны европейскую цивилизацію отъ мусульманскаго варварства, могутъ освободить другіе славянскіе народы отъ турецкаго деспотизма и призвать ихъ къ новой жизни. —

Я уже говорилъ объ одной главной ошибкѣ Вельепольскаго, именно о его непониманіи истинныхъ интересовъ страны; укажу теперь на другую, лежащую въ его довѣріи къ русскому прави-

тельству. Онъ думалъ что оно хоть для своей пользы будетъ продолжать начатыя реформы; онъ не понялъ, что это нелѣпое и безумное правительство само стремится къ своей гибели и въ какомъ-то фатальномъ ослѣпленіи, ломая за собою всѣ мосты, само отрѣзываетъ себѣ возвратъ, и такимъ образомъ неминуемо должно погибнуть. Что Вельепольскій дѣйствительно вѣрилъ въ благія намѣренія правительства, это доказываетъ самый наборъ; если бъ онъ не былъ ослѣпленъ, то не лишилъ бы себя революціоннаго элемента, этой главной опоры, которою онъ держался, пугалъ правительство и вынуждадъ у него реформы; удайся наборъ или вызови онъ революцію, которую удалось бы такъ скоро подавить, какъ Вельепольскій предполагалъ, то первымъ дѣломъ правительства было бъ избавиться отъ него, заставлявшаго его либеральничать и потомъ отнять у Польши всѣ реформы и уступки у него вынужденныя; военный теророъ еще хуже прежняго засвирепѣлъ бы въ Польшѣ; а такой исходъ вѣрно не лежалъ въ намѣреніяхъ Вельепольскаго.*) Эти-то двѣ вещи, именно непониманіе

*) Мнѣніе нѣкоторыхъ враговъ маркиза (между ними и прусскихъ феодальныхъ органовъ, для которыхъ даже Вольепольскій Fortschrittsmann), что онъ въ отношеніи къ

истинныхъ интересовъ Польши и слѣпое довѣріе къ правительству и погубили Вельепольскаго, при другой обстановкѣ могшаго своими громадными талантами осчастливить и прославить свою страну. Эти двѣ вещи при его гордой и непреклонной натурѣ, а главное при его аристократическихъ стремленіяхъ и вели его отъ проступковъ къ преступленіямъ все большимъ и большимъ, пока онъ не погрязъ по колѣна въ крови своихъ братьевъ, пока онъ не дошелъ наконецъ до убійства цѣлаго народа, до рѣзни женщинъ и дѣтей, до сожиганія цѣлыхъ городовъ съ ея жителями и всѣмъ находящимся въ нихъ, однимъ словомъ до набора съ всѣми его ужасными послѣдствіями.*) —

русскому правительству разыгрывалъ Валленрода, такъ нелѣпо, что его и опровергать не стоитъ.

*) Лѣстница, по которой Вельепольскіи сходилъ отъ его знаменитаго письма къ Меттерниху, гдѣ онъ говоритъ, что Меттернихъ, прежде чѣмъ сойти въ гробъ, поскользнулся въ крови польскихъ дворянъ, до той бездны, гдѣ онъ самъ сталъ по колѣна въ крови да еще въ крови своихъ братьевъ, останется навсегда памятною въ исторіи Польши: она показываетъ, до чего могутъ довести патріота аристократическія стремленія, если они проводятся съ большимъ умомъ и съ большею энергіею. Урокъ можетъ быть полезенъ и для другихъ народовъ!

Наборъ! сколько страшнаго заключается въ одномъ этомъ словѣ! сколько слезъ сколько крови запеклось на немъ! Какой ужасъ обхватываетъ всю Россію при одномъ слухѣ, что предстоитъ наборъ! Какъ судорожно мать прижимаетъ къ своей груди сына, боясь, что каждую минуту дикіе козаки ворвутся и оторвутъ его отъ ея окровавленнаго сердца! — Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ въ Россіи былъ послѣдній наборъ, — и всѣ ужасныя картины, его сопровождающія, исчезли изъ нашей памяти; но какъ вдругъ все опять ожило, когда мы узнали что въ Польшѣ будетъ наборъ; какъ вновь раздаются въ нашихъ ушахъ плачи и стоны матерей, невѣстъ, женъ и дѣтей, какъ живо представляются нашимъ глазамъ эти этапы молодыхъ рекрутовъ отправляющихся куда-то далеко отъ своей родины: на саняхъ или поломанныхъ повозкахъ лежатъ дѣти

отъ 5 до 8 лѣтъ въ неуклюжихъ солдатскихъ шинеляхъ, сложенныя какъ бараны одинъ на другомъ; на ихъ болѣзненно истощенныхъ лицахъ видно какое-то тупое отчаяніе, доходящее до непониманія страшной участи, ихъ ожидающей; кругомъ повозокъ идутъ матери, отцы или братя, провожающіе своихъ дѣтей пѣшкомъ иногда больше тысячи верстъ;*) съ какимъ раздирающимъ сердцемъ смотрятъ они на своихъ любимцевъ, съ которыми имъ скоро придется разстаться на вѣки! дальше за ними идутъ рекруты постарше, другіе ведутъ съ собою своихъ женъ и дѣтей. Кругомъ всей этой процессіи идутъ солдаты съ загрубѣлыми и отупѣвшими лицами. Что происходитъ въ ихъ душѣ, когда въ ихъ ушахъ раздаются стоны и плачи матерей? Быть можетъ въ ихъ умѣ воскресаетъ то время, когда они еще были авелями, а не каинами; когда они еще были рекрутами и ихъ провожала плачущая мать или невѣста, когда она образомъ крестила и напутствовала его благословеніями, молитвами и калачами въ дальный путь! Жива ли

*) Это нисколько не преувеличено; сколько разъ я самъ былъ свидѣтелемъ какъ родители провожали своихъ дѣтей отъ Калиша, Плоцка и др. до Кіева и еще дальше; такія прогулки особенно часто совершаютъ евреи.

она еще голубушка или же покоится въ сырой землѣ, и стоитъ надъ нею деревянный крестъ и пьяный дьячокъ уже отпѣлъ ее! — Впрочемъ онъ, можетъ, думаетъ теперь о томъ, какъ бы стянуть съ жида, провожающаго своего сына, гривенничекъ на водку, или онъ просто ни о чемъ не думаетъ и души у него давно ужъ нѣтъ, а мѣсто души занимаетъ солдатскій уставъ!...

Какъ ни ужасенъ наборъ въ Россіи, но въ Польшѣ онъ стократъ хуже; польскій рекрутъ не только не имѣетъ того утѣшенія, что онъ служитъ отечеству и исполняетъ свой долгъ — напротивъ онъ имѣетъ то горестное сознаніе, что, служа врагамъ своего отечества, онъ еще помогаетъ имъ угнетать его; онъ знаетъ, что его пошлютъ куда нибудь въ Сибирь или на Кавказъ, что въ полку его будутъ преслѣдовать за то что онъ *ляхъ* и *нехристъ*, что въ его глазахъ будутъ осмѣивать его родину, его церковь а онъ долженъ будетъ молча все это сносить, иначе его ожидаютъ палки, аресты и т. д. Польскій рекрутъ долженъ считать себя счастливымъ что его не посылаютъ на родину, потому что если его пошлютъ, то только для того, чтобъ убивать своихъ безоружныхъ братьевъ; онъ знаетъ,

что если даже переживетъ 25 лѣтъ*) русской службы и возвратится домой, то не встрѣтитъ даже радушнаго пріема; родныхъ онъ рѣдко застаетъ въ живыхъ, а для другихъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ сѣрую шинель, сталъ москалемъ, — онъ уже давно забылъ польскій языкъ, они даже говорить съ нимъ не могутъ. — Много слезъ и крови лежитъ на совѣсти русскаго правительства, но еслибы всего этого не было, то одинъ рекрутскій наборъ былъ бы уже достаточенъ, чтобы сдѣлать примиреніе его съ народомъ невозможнымъ; кто за собою имѣетъ подобныя традиціи, тотъ уже *gerichtet*, и будь онъ въ остальномъ чистъ какъ ягненокъ, не очистятъ его уже ни полуреформы, ни цѣлыя; и если когда нибудь

*) Что впрочемъ очень рѣдко случается; изъ Польши большею частью высылаютъ дѣтей изъ хорошихъ фамилій, которыя не въ состояніи выдержать жизни русскаго солдата. Изъ нѣсколькихъ сотъ польскихъ мальчиковъ еврейскаго вѣроисповѣданія, въ началѣ 50хъ годовъ присланныхъ въ Кіевъ. теперь едва ли находится въ живыхъ 20 человѣкъ; одни умерли подъ розгами, не желая принять христіанства, другіе по той же самой причинѣ выбрасывались изъ третьяго этажа на мостовую или топились въ Днѣпрѣ; это было тогда, когда Николай выразилъ свое удивленіе, что еврейскіе кантонисты такъ долго держатся своей вѣры; послѣ его отъѣзда и начали всѣми средствами ихъ крестить, за что комендантъ и получилъ послѣ какой-то орденъ. —

русскій народъ пробудится отъ цѣпенѣющей его летаргіи, когда онъ увидитъ ярмо, тяготившее его столько вѣковъ, и какимъ *батюшкой* былъ ему царь, которому онъ столько разъ безсмысленно кричалъ *ура,* — тогда поблѣднѣютъ ужасы французскаго конвента предъ страшной лавой русской революціи, тогда — тогда и гильотината будетъ паровая! —

Странно было видѣть удивленіе и ужасъ Европы, когда она узнала о послѣднемъ наборѣ; какъ будто бы она только-что узнала, что въ Россіи, а особенно въ Польшѣ, наборы дѣлаются не для того, чтобы пополнить составъ арміи, а чтобъ лишить страну ея лучшихъ силъ и тѣмъ отнять у ней всякую мысль о сопротивленіи варварствамъ правительства; вся Европа имѣетъ арміи и не прибѣгая къ русскому способу набора, не врываясь ночью въ дома, не вырывая спящихъ дѣтей изъ кровати, не связывая ихъ по рукамъ и по ногамъ какъ преступниковъ и не пересылая ихъ потомъ изъ города въ городъ для того, чтобы родственники потеряли наконецъ ихъ слѣдъ. —

Но теперешній наборъ въ Польшѣ превосходитъ своимъ звѣрствомъ и безстыдствомъ, съ ка-

кимъ правительство призналось въ своей цѣли, *) все, что было до сихъ поръ. Съ пяти милліоновъ жителей нужно было взять 40000 рекрутъ; если снять съ этихъ 5 милліоновъ все крестьянское населеніе, свободное отъ набора, то выходитъ, что изъ каждаго городскаго семейства 1 или 2 человѣка должны были бы отправиться въ Сибирь. Кромѣ этого въ циркулярѣ Вельепольскаго къ гражданскимъ начальникамъ городовъ и уѣздовъ просто и ясно сказано было, что такъ какъ наборъ имѣетъ цѣлью очистить страну отъ людей возмущающихъ общественное спокойствіе, то представляли бы къ набору людей, политически скомпромитированныхъ и опаснаго образа мыслей. Не говорю уже о томъ, что если бы дѣйствительно пришлось исполнять это вар-

*) Journal de St. Petersbourg, когда революція уже вспыхнула, самъ говоритъ, что правительство, не будучи въ силахъ достать въ свои руки главы движенія, хотѣло наборомъ отрубить ему по крайней мѣрѣ руки. За такую откровенность Петербургскія Вѣдомости, въ одной изъ своихъ вводныхъ статей сказавшія, что русская армія въ Польшѣ имѣетъ за собой не только матеріяльный, но и нравственный перевѣсъ, прочла французскому журналу нотацію, говоря, что только католикъ можетъ такъ безстыдно сознаваться въ своихъ мерзостяхъ; а православный если уже напакоститъ, такъ подожметъ хвостъ и будетъ молчать.

варское предписаніе, то всю Польшу слѣдовало бы отослать въ Сибирь, но какое обширное поле для злоупотребленій, подкуповъ и удовлетворенія личной мести предоставлялось этимъ циркуляромъ!...

Но Вельепольскому мало было, что онъ погрузилъ весь народъ въ трауръ, что въ цитадели томились уже тысячи жертвъ его набора — ему, ко всему этому, нужно было еще прибавить иронію и насмѣхаться надъ своею жертвою. — Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ въ Варшавѣ уже начался наборъ со всѣми его ужасами, когда около Блони уже начали собираться толпы людей, бѣжавшихъ отъ набора и не знавшихъ, что̀ начать, не имѣя ни оружія ни предводителей, но рѣшившихся скорѣе умереть, чѣмъ служить своему палачу, Вельепольскій въ своемъ Dzienniku Powszechnym объявилъ, что наборъ прошелъ совершенно спокойно и что много молодыхъ людей сами охотно явились къ набору, говоря, что они *желаютъ въ русской службѣ научиться порядку и дисциплинѣ и избавиться отъ злоумышленниковъ, наущавшихъ ихъ возстать противъ законной власти.* — Спокойствіе, наступившее въ Варшавѣ тотчасъ послѣ набора, испугало маркиза; онъ сталъ опасаться, что революція не вспыхнетъ

и его жертва ускользнетъ отъ него, и онъ рѣшился насмѣшкой еще больше раздразнить ее и вызвать наконецъ сопротивленіе. Чтобъ еще вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ позволялъ цѣлымъ толпамъ молодыхъ людей выходить за ворота Варшавы, для того, чтобы послѣ, поймавъ съ оружіемъ въ рукахъ, имѣть предлогъ разстрѣлять ихъ и избавиться такимъ образомъ отъ всей партіи *недовольныхъ*, столько времени втайнѣ ему докучавшей. — Разсчетъ его отчасти удался; польская рабочая молодежъ рѣшилась лучше умереть на свободѣ, чѣмъ всю свою жизнь провести въ цѣпяхъ; вся лучшая часть польскаго народа прибѣжала къ ней на помощь; всѣ взялись за оружіе и въ Польшѣ вспыхнула *революція*. —

Революція среди Европы! закричалъ капиталъ, задрожали всѣ биржи Европы и ухватились за свои мѣшки люди, видящіе въ свѣтѣ только деньги да деньги, люди непонимающіе какъ можно дѣлать революціи, когда при этомъ такъ страдаетъ торговля и пропадаетъ столько денегъ. Революція въ Польшѣ! съ презрѣніемъ говорили доктринеры, не понимая, какъ народъ, которому они давно уже отпѣли панихиду въ своихъ книжкахъ, вопреки ихъ теоріямъ смѣетъ возставать! „Безумцы! говорили они, безъ оружія, безъ войска бросаются они на 120 тысячную армію и на 400 пушекъ“ и самодовольно улыбались, вспомнивая эти краснорѣчивыя подпоры ихъ человѣколюбивыхъ теорій. „Злоумышленники, нарушающіе общее спокойствіе и сонъ Европы!“ Да, безумцы, предпочитающіе умереть на свободѣ, чѣмъ служить своему деспо-

ту! безумцы, бросающіеся на помощь своимъ братьямъ, которыхъ дикій казакъ скованныхъ увлекаетъ въ сибирскіе лѣса! Безумцы, предпочитающіе умереть, спасая свое отечество, чѣмъ видѣть его въ когтяхъ дикаго коршуна! Безумцы, лежащіе въ лѣсахъ, въ болотахъ безъ пищи и безъ платья, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри — тогда какъ могли бы спокойно лежать дома въ мягкой постели; правда, что ихъ братья и сестры томятся въ темницѣ, ну да это вѣдь ихъ братья, а имъ то какое дѣло! — Вотъ другіе народы уже на такое безумство неспособны! ихъ топчутъ въ грязь, надъ ихъ правами насмѣхаются, а они преспокойно набиваютъ себѣ карманы и упражняются въ палатахъ въ краснобайствѣ; у нихъ эгизмъ до того растлѣлъ всѣ другія чувства, нравственная сила ихъ до того ничтожна, что они даже не постигаютъ, какъ ихъ отцы 50 лѣтъ тому назадъ могли жертвовать жизнью и деньгами за свою свободу, они даже стыдятся, что 15 лѣтъ назадъ пытались сдѣлать то же самое! —

Что касается насъ, то единственное, что насъ утѣшаетъ среди этого летаргическаго сна Европы, среди этихъ деспотовъ большихъ и малыхъ, конституціонныхъ и неконституціонныхъ, попирающихъ ногами самыя священныя права народовъ,

среди этихъ милліоновъ работающаго народа, погибающихъ въ нищетѣ, болѣзняхъ и умственномъ невѣжествѣ — единственное, скажу я, что̀ даетъ мнѣ право надѣяться на болѣе свѣтлую будущность, это именно то, что есть еще народы, могущіе дѣлаться въ такомъ родѣ *безумными* и что придетъ время, когда всѣ народы Европы *сойдутъ съ ихъ гнилаго нельпаго ума.* —

Но вотъ первыя впечатлѣнія польской революціи прошли; Европа всмотрѣлась въ силу и цѣли этой борьбы и физіономія ея нѣсколько измѣнилась. Друзья Польши немного убавили своей радости, видя слабость революціи и слыша стоны умирающихъ защитниковъ свободы; капиталъ успокоился и даже поднялъ голову, замѣтивъ, что польская революція надолго отсрочила разрѣшеніе восточнаго вопроса и уничтожила его опасенія огромныхъ столкновеній. Доктринеры струсили; они увидѣли, что эти безумцы, голыми руками берутъ пушки, что армія начинаетъ предъ ними отступать и страхъ велій объялъ ихъ; они испугались, что теоріи ихъ могутъ разрушиться, и стали они кричать о реформахъ, о возвращеніи Польшѣ конституціи и удовлетвореніи другихъ *законныхъ* требованій Польши; разумѣется, чтобы *безумцы* прежде по-

ложили оружіе, поклонились своему палачу и обѣщались сидѣть смирно и ожидать реформъ. Реформъ! какъ будто реформами можно воскресить Польшу! эти люди не хотятъ понять, что реформами свободы добиться нельзя; что свобода, вновь возникающая или воскресающая изъ мертвыхъ, должна непремѣнно родиться въ *красной* рубашкѣ, если она должна быть продолжительна; что чѣмъ больше крови пролито для достиженія свободы, тѣмъ прочнѣе и дѣйствительнѣе она будетъ; что одна голова деспота, падающая съ эшафота при проклятіяхъ народа, больше воспитаетъ политически народъ, чѣмъ сто октроированныхъ конституцій, народъ никогда не позволитъ отнять у себя того, что стоило ему много жертвъ и крови. За доказательствами нечего даже ходить въ Англію; послѣдніе 15 лѣтъ исторіи европейскаго континента показали ясно, что значатъ свободы, добытыя легко или октроированныя. Доктринеры не хотятъ понять, что чѣмъ больше реформъ вынуждаютъ у какаго нибудь монарха, тѣмъ большимъ врагомъ своего народа: онъ дѣлается онъ никогда ему не проститъ, что онъ отнялъ у него прерогативы, наслѣдованныя имъ отъ своихъ предковъ и освященныя волею божіею. —

Вскорѣ еще два обстоятельства послужили къ тому, чтобы произвести въ общественномъ мнѣніи окончательную реакцію въ пользу Польши. Жестокости русскаго войска, сожиганія цѣлыхъ городовъ, убійства женщинъ и дѣтей, грабежи мирныхъ жителей — все это тронуло самыя эгоистическія сердца. Во всей европейской журналистикѣ раздался одинъ крикъ негодованія и отвращенія противъ русскаго правительства и его достойныхъ орудій; проклятія на варваровъ и монголовъ посыпались со всѣхъ сторонъ. Вмѣстѣ съ удивленіемъ, что регулярная армія допускается до такихъ мерзостей, во всей Европѣ выразилось еще изумленіе, что инсургенты ничего не грабятъ и не убиваютъ безоружныхъ. Это двойное удивленіе показываетъ какой хаосъ царствуетъ теперь въ умѣ самыхъ просвѣщенныхъ и либеральныхъ людей: они удивляются тому, что войско, въ которомъ систематически убиваютъ всѣ человѣческія чувства, которое остервеняютъ противъ мирныхъ гражданъ и употребляютъ для ихъ угнетенія, что такое войско, по приказанію начальства или просто съ пьяныхъ глазъ, рѣжетъ, жатъ и грабитъ все, что̀ не попадется подъ руки; какъ будто одна *русская* армія способна такъ поступать, а другія будто лучше ея; прусская

армія въ 48 въ Берлинѣ (Кельнскій Ратгаузъ) и Герцогствѣ Познаньскомъ, австрійская въ 48 и 59 годахъ въ сѣверной Италіи и французская въ Алжирѣ поступали далеко не лучше русской арміи; самое невѣжество, которымъ въ такомъ случаѣ упрекаютъ русское войско, скорѣе можетъ служить къ его извиненію: цивилизованныя арміи уже этимъ извинять нельзя. Но европейскіе народы такъ дорожатъ честью своихъ *храбрыхъ армій,**) что всегда, когда какая нибудь изъ нихъ надѣлаетъ мерзости, то они взваливаютъ всю вину исключительно на эту армію, не желая понять того, что зло лежитъ въ самой сущности и организаціи всѣхъ армій вообще.

Неменѣе нелѣпо удивленіе Европы, что инсургенты уважаютъ чужую собственность и не

---

*) Какъ будто вообще существуютъ х р а б р ы я армія! Какъ будто бы армію можно назвать храброю за то, что она, боясь палокъ, безчестья или другаго наказанія, не бѣжитъ съ того мѣста, гдѣ ее поставятъ! Да можетъ ли вообще машина быть храброю или нехраброю! Храбрыми можно назвать людей, добровольно жертвующихъ жизнью и имуществомъ за идею, людей вооруженныхъ однимъ только сознаніемъ исполненія своего долга, бросающихся на пушки и гоняющыхъ предъ собою арміи. А арміи могутъ только быть болѣе или менѣе дисциплинированы, лучше или хуже вооруженныя, или болѣе или менѣе превращенныя въ звѣрскія машины. —

убиваютъ безоружныхъ враговъ. Удивляться тому, что люди сражающіеся за идею, жертвующіе жизнью и матеріяльными удобствами для общаго блага, однимъ словомъ люди, достигшіе высшей степени благородства, что эти люди не жгутъ и не грабятъ! Какъ будто бъ исторія революціонныхъ войнъ не достаточно еще доказала, что всѣ звѣрства, грабежи и убійства, сопровождающія обыкновенно такія войны, совершаются не инсургентами, а почти всегда регулярными войсками. —

Вторымъ обстоятельствомъ, особенно обратившимъ общественное вниманіе Европы на дѣла Польши и заставившимъ правительства пролить много чернилъ и произнести много громкихъ и пустыхъ рѣчей въ пользу Польши или, говоря языкомъ дипломатическимъ, сдѣлавшимъ вопросъ польскій вопросомъ европейскомъ, была русско-прусская конвенція.

Прусское министерство зашло въ борьбѣ съ народомъ такъ далеко, что видѣло предъ собою одинъ только выходъ изъ этой борьбы, именно какою нибудь внѣшнею войною отклонить на время вниманіе страны отъ внутреннихъ вопросовъ. Къ такому исходу часто прибѣгали и другія правительства, находясь въ такомъ самомъ

положеніи; очень часто этотъ маневръ имъ удавался; иногдаже этотъ coup-d'etat еще только увеличивалъ внутренній кризисъ. Прусское правительство само ужъ разъ удачно исполнило этотъ маневръ; въ 1848 году оно вызвало возстаніе въ Познани; прусскій народъ такъ усердно взялся за подавленіе этого возстанія, что и не замѣтилъ, какъ потерялъ между тѣмъ всѣ права, добитыя имъ 18 марта. Но на этотъ разъ маневръ совсѣмъ не удался; прусская палата отказалась отъ всякаго содѣйствія русскому правительству въ подавленіи польскаго возстанія, Франція, Англія и Австрія тоже *дружески посовѣтовали* Пруссіи и Россіи отказаться отъ этой конвенціи. Французское правительство, мѣсяцъ тому назадъ отсылавшее Польшу къ великодушію Александра, теперь въ свою очередь воспользовалось конвенціею, чтобъ отклонить вниманіе французовъ отъ неудачной мексиканской экспедиціи и отъ предстоящихъ выборовъ. Оффиціальныя и неоффиціальныя газеты стали проповѣдывать крестовый походъ за Польшу противъ Пруссіи и Россіи. Наполеонъ вступилъ въ переговоры съ Англіею и Австріею для совокупнаго дѣйствія въ пользу Польши, началась дипломатическая переписка по

польскому вопросу, такимъ образомъ сдѣлавшемуся вопросомъ европейскимъ. —

При разрѣшеніи каждаго европейскаго вопроса обыкновенно обращаютъ вниманіе во 1хъ на то, какое именно должно быть это рѣшеніе, во 2хъ полезно ли такое разрѣшеніе этого вопроса для остальной Европы, а въ 3хъ кто именно долженъ разрѣшить этотъ вопросъ. Мы съ этихъ трехъ сторонъ и постараемся разсмотрѣть польскій вопросъ.

Я уже выше говорилъ, что Польша не можетъ остаться въ соединеніи съ Россіею безъ самаго сильнаго ущерба своимъ внутреннимъ интересамъ; польскій народъ самъ это вполнѣ сознаетъ; изъ этого сознанія и выходятъ постоянныя его стремленія къ достиженію своей національной независимости. Оставить Польшу подъ игомъ Россіи, заставивъ Александра дать Польшѣ нѣсколько реформъ или даже возвратить ей конституцію 1815 года, это значило бы только отложить рѣшеніе вопроса, а не разрѣшить его; это значило давать успокаивающія средства тамъ, гдѣ необходима операція. Какъ только Польша соберется съ силами, она опять будетъ стремиться къ достиженію своей независимости, миръ Европы опять будетъ нарушенъ и польскій вопросъ все

будетъ требовать разрѣшенія. — Но предположимъ даже, что Польша откажется отъ своей національной независимости и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ удовлетворенія самыхъ важныхъ своихъ интересовъ, то гдѣ гарантіи, что русское правительство чрезъ нѣсколько времени не возьметъ назадъ данныхъ реформъ и не возвратится къ старому терроризму? Гарантія европейскихъ державъ здѣсь безсильна. Коалиція державъ, которая теперь возвратитъ Польшѣ ея конституцію, въ самое короткое время можетъ распасться; державы, теперь дѣйствующія совокупно, чрезъ годъ могутъ быть въ самой страшной борьбѣ и антагонизмѣ, а кто тогда защититъ бѣдную Польшу отъ дикихъ покушеній ея мучителя? Вѣдь гарантировали же три великія державы греческій престолъ Отону, а гдѣ онъ теперь? Можно ли думать, что правительства, не сдержавшія своихъ гарантій своему *собрату,* будутъ совѣстливѣе въ отношеніи къ *народу?* А въ 15 году развѣ семь державъ не гарантировали Польшѣ ея конституціи и административной автономіи? а кто изъ этихъ державъ замолвилъ въ 32 году за нее хоть словечко, когда Николай, растоптавъ ногами ея права, живую ее закапывалъ въ землю, когда онъ сожигалъ цѣлыя деревни и отсылалъ тысячи людей въ каторжную

работу за то, что они оставались вѣрны вѣрѣ своихъ отцовъ?

Довѣриться въ этомъ случаѣ великодушію и обѣщаніямъ русскаго правительства? да это значило бы запереть въ одномъ мѣшкѣ голоднаго волка съ ягненкомъ и довѣрить цѣлость ягненка великодушію волка. Да развѣ есть теперь въ Европѣ хоть одинъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ, который вѣрилъ бы обѣщаніямъ правительствъ вообще и русскаго въособенности? — Единственная гарантія, которую Европа можетъ теперь дать Польшѣ, состоитъ въ томъ, чтобы дать ей самой достаточную силу для защиты своей свободы отъ чужихъ покушеній; а единственное средство дать ей эту внутреннюю силу и заключается въ *возстановленіи независимой Польши въ ея старыхъ предѣлахъ съ Познанью, Галиціею, Литвою и Русью*, (разумѣется если послѣднія согласятся на это). Въ такомъ возстановленіи и лежитъ единственно-возможное, раціональное и окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса. Но возвращеніе Польшѣ Познани, Галиціи, Литвы и Руси вѣдь затронетъ интересы Австріи, Пруссіи и Россіи? отвѣтъ на этотъ вопросъ уже относится ко 2му вопросу, именно полезно ли для

Европы такое разрѣшеніе польскаго вопроса? Мы и займемся теперь этимъ 2мъ вопросомъ.

Я и не намѣренъ требовать вмѣшательства Европы во имя человѣколюбія, цивилизаціи и справедливости, я очень хорошо знаю, что эти вещи совершенно чужды политикѣ христіанскихъ государствъ; я не буду также призывать помощь Европы во имя силы, съ какой Польша съумѣла сдѣлать свой споръ съ Россіею европейскимъ вопросомъ, потому что я увѣренъ, что если Польша будетъ имѣть достаточно силъ для окончательнаго освобожденія отъ русскаго деспотизма, то тогда вмѣшательство Европы можетъ только погубить ея внутреннюю свободу и развитіе; (примѣръ Греціи еще слишкомъ свѣжъ). Но я буду призывать и требовать вмѣшательства европейскихъ правительствъ въ дѣла Польши во имя ихъ же собственныхъ *интересовъ*. (Объ интересахъ народныхъ я говорить не стану, во 1хъ потому, что знаю, что они не берутся во вниманіе правительствами, а во 2хъ потому, что считаю лишнимъ доказывать вещь всѣмъ ясную, именно, что интересы всѣхъ народовъ тождественны между собою и что свобода и независимость одного народа можетъ быть только полезна для другихъ.)

Начнемъ съ французскаго правительства. —

Еще ни при одномъ предпріятіи Наполеона общественное мнѣніе Франціи не поддерживало, бы его такъ какъ въ дѣлѣ освобожденія Польши. Легитимисты, орлеанисты, республиканцы всѣхъ оттѣнковъ, всѣ охотно пойдутъ съ нимъ въ этомъ случаѣ; это будетъ первый разъ, когда знаменитая оппозиція *пяти* будетъ вотировать за правительство. Напрасно Наполеонъ думаетъ опирать свою династію на дружбѣ монарховъ, отказываясь отъ революціонной политики и тѣмъ какъ бы заставляя забыть свое революціонное происхожденіе. Наполеонъ I имѣлъ у ногъ своихъ всѣхъ монарховъ Европы, а кто изъ нихъ защитилъ его отъ паденія, когда всѣ народы Европы возстали противъ его гнета? эти же монархи, прежде лежавшіе у его ногъ, стали послѣ во главѣ движенія противъ него. Возстановивъ Польшу,

Наполеонъ оправдалъ бы въ Европѣ свою славу, какъ освободителя національностей; эта слава привязала бы къ нему всѣ народы, а привязанность народовъ гораздо больше укрѣпила бъ его династію, чѣмъ дружба монарховъ, которыхъ онъ въ этомъ случаѣ и пугалъ бы народною привязанностью; а *дружба монарховъ всегда прочнѣе, если основана на страхъ.* Наполеонъ III долженъ воспользоваться урокомъ, даннымъ ему его дядей: паденіе перваго Наполеона началось съ 1805 года, когда онъ сталъ укрѣплять свою династію, отчуждая отъ себя народы и опираясь на дружбѣ и связяхъ съ монархами; паденіе третьяго Наполеона тоже начнется съ той минуты, какъ онъ откажется отъ своей революціонной политики, не поможетъ Польшѣ и станетъ опираться на монарховъ. Сколько разъ Наполеонъ I жалѣлъ, будучи уже на Св. Еленѣ, что онъ не возстановилъ Польши! Слава освобожденія угнетеннаго народа навсегда осталась бы связана съ династіею Наполеона и не мало бы съ нею примиряла. Имѣя за собою всѣ *народы* Европы, Наполеону нечего бояться, что онъ даже на время будетъ изолированъ между *монархами.* Кромѣ того, Наполеонъ имѣлъ бы тутъ случай показать превосходство просвѣщеннаго автократа предъ

конституціонною монархіею Людовика-Филиппа, которая кромѣ громкихъ фразъ ничего для Польши не могла сдѣлать. — Наполеонъ имѣетъ здѣсь случай избавиться отъ мексиканской экспедиціи, заключивъ какой нибудь выгодный трактатъ съ Хуарецомъ и отозвавъ свои войска изъ Мексики, гдѣ онъ во всякомъ случаѣ добра не дождется; предлогомъ къ отозванію войскъ могутъ послужить его же слова, что онъ предпринялъ экспедицію для того только, чтобы дать мексиканскому народу возможность высказать свою *волю;* мексиканцы высказались въ пользу Хуареца, и французскія войска могутъ убраться домой.

Скорыя побѣды надъ Россіею смоютъ его пораженіе въ Мексикѣ и возстановятъ честь французскаго оружія. Я думаю даже, что освобожденіе *католической* Польши отъ господства *схизматической* Россіи примирило бы въ нѣкоторой степени легитимистовъ съ потерею Рима. Наполеонъ такимъ образомъ могъ бы съ приличіемъ избавиться и отъ Мексики и отъ Рима, заслуживъ при томъ признательность всей Европы.

Свободная Польша вѣрно будетъ союзникомъ Франціи; но еслибы этого и не было, еслибы даже Польша въ восточномъ вопросѣ склонилась на сторону Англіи, то изъ неизбѣжнаго антаго-

низма въ этомъ вопросѣ Россіи и Польши, вышла бы для первой изъ нихъ необходимость сблизиться съ Франціею; такъ что Франція тогда во всякомъ случаѣ имѣла бы одного союзника на востокѣ Европы, тогда такъ теперь она, при малѣйшемъ сближеніи Россіи съ Пруссіею и Австріею, изолирована въ Европѣ. —

Обратимся теперь къ Англіи.

Поддерживаемая Англіею, Турецкая Имперія рано или поздно должна обрушиться; что̀ не имѣетъ жизни въ себѣ самомъ, того никакими внѣшними или внутренними лекарствами нельзя заставить жить. На ея развалинахъ Россія сдѣлается всемогуща: Константинополь будетъ тогда въ ея рукахъ. — Очевидно, что Англія не объ томъ хлопочетъ, чтобы въ Константинополѣ *царствовалъ* турокъ, а въ томъ, чтобы тамъ *не царствовалъ* русскій; слѣдовательно найди она другой народъ, который могъ бы царствовать въ Константинополѣ, будучи въ то же время антагонистомъ Россіи, то она на этомъ бы только выиграла; вмѣсто того, чтобы поддерживать мусульманскій деспотизмъ и ждать со дня на день, что вотъ онъ рушится и пропадутъ усилія столькихъ вѣковъ, Англія имѣла бы въ такомъ случаѣ тамъ сильнаго союзника. Такой случай

возможенъ только при возстановленіи Польши. Нелѣпо думать, что Польша будетъ союзникомъ Франціи даже *вопреки* своимъ интересамъ; Польша прежде всего будетъ, какъ я уже сказалъ, антагонистомъ Россіи въ восточномъ вопросѣ и ея соперникомъ въ дѣлѣ освобожденія славянскихъ народовъ; если Франція будетъ поддерживать политику Россіи, то очевидно, что Польша будетъ опираться въ такомъ случаѣ на Англію, или же наоборотъ — Франція будетъ держать сторону Польши, тогда Россія будетъ союзникомъ Англіи. Во всякомъ случаѣ Англія будетъ имѣть на востокѣ одного сильнаго союзника въ Россіи или въ Польшѣ; тогда какъ теперь она тамъ имѣетъ одно сильнаго антагониста въ Россіи, соединенной съ Польшею. — Вѣроятнѣй всего, что наслѣдство Оттомановъ не достанется ни Россіи ни Польшѣ; на развалинахъ Турціи возстанетъ третья славянская держава (вѣроятно въ формѣ конфедераціи), которая, съ одной стороны не будетъ достаточно сильною, чтобъ угрожать морскому могуществу Англіи, съ другой стороны будетъ довольно сильна, чтобы съ помощью *другой* славянской державы удержать свою независимость отъ покушеній *третьей*. Къ нейтрализаціи этихъ силъ не мало будетъ способствовать

Грецiя, которая, получивъ въ свою очередь маленькое наслѣдство отъ Турцiи, будетъ для Англiи союзникомъ, которымъ пренебрегать тоже не слѣдуетъ. Однимъ словомъ, при свободной Польшѣ на развалинахъ турецкой имперiи образуется нѣсколько новыхъ государствъ, которыя, будучи сосѣдями, будутъ въ то же время непрiязнены другъ другу; антагонизмъ ихъ интересовъ не дастъ ни одному изъ нихъ достаточно силы, чтобъ быть опаснымъ соперникомъ Англiи, что и нужно этому послѣднему государству. — Но предположимъ даже, что Англiи удастся еще на долго удерживать Турцiю отъ паденiя, что она всегда будетъ пользоваться возбужденiемъ польскаго вопроса для того, чтобъ не дать Россiи достаточно усилиться и имѣть время и возможность завоевать Турцiю; то стоитъ ли гуманной Англiи тратить столько силъ для того, чтобъ играть незавидную роль защитника варварства и палача славянскихъ народовъ, когда она можетъ достигнуть своихъ цѣлей болѣе благороднымъ, а главное болѣе дешевымъ образомъ? Уступкой Грецiи Iонiйскихъ острововъ Пальмерстонъ показалъ что онъ самъ понимаетъ необходимость перемѣны своей политики въ восточномъ вопросѣ; но онъ остановился на срединѣ дороги; видно не

хватило силъ оторваться отъ своей старой политики (больно уже старъ сталъ) или просто Грецiя не оказалась способною для такого великаго шага; не лучше ли приложить этотъ самый опытъ къ Польшѣ, чѣмъ продолжать политику, въ несостоятельности которой онъ самъ убѣжденъ? —

Теперь намъ остается еще поговорить объ остальныхъ трехъ великихъ державахъ, на совѣсти которыхъ лежитъ грабежъ Польши.

Казалось бы, что эти державы, какъ наслѣдники Польши, менѣе всего должны были бы желать ея воскресенiя изъ мертвыхъ, но въ сущности они-то, исключая Австрiи, больше всѣхъ и выиграютъ на ея возстановленiи. —

Начнемъ съ Россiи. Послѣдняя польская революцiя ясно показала, что Польша никогда не останется добровольно соединенною съ Россiею. Совершенное фiаско програмы Вельепольскаго можетъ убѣдить самыхъ горячихъ панславистовъ въ невозможности этого соединенiя. Подавленiе теперешняго возстанiя еще только болѣе расширитъ пропасть, раздѣляющую эти два народа. Польша останется до тѣхъ поръ спокойна, пока ея *дѣти* подростутъ и сдѣлаются *юношами*, а тогда она опять возстанетъ, и еще съ большею силою,

противъ своего деспота; если теперешнее возстаніе и будетъ подавлено, то это только благодаря тому, что правительству удалось на время помрачить умы крестьянъ и удержать ихъ отъ участія въ революціи, а ничуть не искусству русскихъ генераловъ и силѣ оружія; но вѣдь помраченіе крестьянскихъ умовъ пройдетъ, русская армія тоже можетъ между тѣмъ потерять охоту быть палачомъ польскаго народа — чтожъ будетъ при слѣдующемъ возстаніи? Дѣлать себѣ на этотъ счетъ иллюзіи нечего. Польша рано или поздно своими собственными силами или при чужой помощи освободится отъ Россіи; а зачѣмъ въ такомъ случаѣ терять понапрасну силы и деньги и разыгрывать палача? — Но положимъ, что Польша и не освободится отъ русскаго ига, что она еще надолго останется прикованною къ Россіи, то развѣ русскому правительству отъ этого сколько нибудь легче, что къ ея ногѣ будетъ прикована тяжесть, мѣшающая ей итти? Враги русскаго правительства (а ихъ есть порядочное количество) всегда будутъ пользоваться этою больною его стороною и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ излечена, правительство не въ состояніи будетъ ни усилиться внутри, ни играть извнѣ принадлежащей ему роли. Можно смѣло сказать, что

пока Польша останется насильно скована, до тѣхъ поръ Россія не будетъ въ состояніи привести въ исполненіе важѣйшей своей внѣшней задачи, именно освобожденія славянскихъ народовъ отъ турецкаго деспотизма. Во 1хъ потому, что славянскіе народы сами нисколько не намѣрены перемѣнить деспотизмъ турецкій на гораздо худшій русскій, а во 2хъ государства, поддерживающія Турцію, всегда могутъ занять Россію польскою революціею и лишить ее возможности сильно выступить противъ Турціи. Еслибъ Александръ не поспѣшилъ заключить крымскую войну миромъ, то Польша непремѣнно скоро бы возстала, а тогда миръ обошелся бы Россіи не такъ дешево. Разрѣшеніе восточнаго вопроса было и теперь очень близко, и только польская революція отсрочила его. Поццо ди Борго въ одномъ изъ своихъ дипломатическихъ писемъ говоритъ, что *обладаніе Польшею даетъ Россіи власть на Западѣ.* St. M. Girardin справедливо поправилъ это изреченіе ди Борго, именно, что *господство Россіи въ Польшѣ даетъ Западу власть въ самой Россіи.* Свободная Польша вѣрно будетъ содѣйствовать Россіи въ освобожденіи другихъ славянскихъ народовъ, разумѣется, если правительство дѣйствительно будетъ стараться объ освобожденіи этихъ

народовъ, а не о подчиненіи ихъ своему деспотизму; въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно еще больше ослабило бы себя: вмѣсто того, что оно имѣетъ теперь одну язву въ Польшѣ, оно тогда имѣло бы нѣсколько такихъ язвъ, отчего вѣрно не было бы ни здоровѣе ни сильнѣе. — Русское правительство впрочемъ само очень хорошо все это знаетъ; только дѣло въ томъ, что оно не имѣетъ достаточно нравственной силы, чтобы одною операціею дать себѣ отрѣзать гніющій членъ, да притомъ она не знаетъ, что̀ сдѣлать въ такомъ случаѣ съ Литвою и Русью; она не понимаетъ, что освободить Польшу и насильно удержать Литву и Русь — это значитъ дать себѣ отрѣзать одну только *часть* гангренозно зараженнаго члена и оставить гангренѣ развиваться дальше. Россія имѣетъ только одну обязанность въ отношеніи къ этимъ провинціямъ, именно дать имъ возможность свободно высказать свою волю и помочь имъ привести эту волю въ исполненіе; помощь эта должна быть совершенно безкорыстна, и если Литва и Русь выскажутся въ пользу соединенія съ Польшею, то Россія на этомъ только выиграетъ, потому что будетъ имѣтъ въ такомъ случаѣ болѣе сильнаго союзника въ Польшѣ. — Тутъ у меня находится повидимому противорѣчіе: выше я

сказалъ, что свободная Польша будетъ антагонистомъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія славянскихъ народовъ, а здѣсь я говорю, что она, напротивъ, будетъ ея союзникомъ; но противорѣчіе это только кажущееся: въ интересахъ Англіи и Франціи лежитъ, чтобы Польша была освобождена ими и противъ желанья Россіи, въ такомъ случаѣ осуществится первое предположеніе; но именно поэтому Россія и должна стараться предупредить чужое вмѣшательство и сама освободить Польшу, которая въ этомъ случаѣ и будетъ ея союзникомъ. —

Какъ странно это не покажется съ перваго взгляда, но въ сущности оно дѣйствительно справедливо, что Пруссія больше всѣхъ другихъ государствъ Европы выиграетъ на возстановленіи свободной Польши. Правда, что она при этомъ потеряетъ нѣсколько польскихъ провинцій, но въ сущности она останется въ прибыли. Во 1хъ Пруссія не только не сильнѣе оттого, что обладаетъ этими провинціями, но даже имѣетъ въ нихъ врага, который въ случаѣ появленія Наполеона на Рейнѣ можетъ сдѣлать опасную диверсію въ тылу прусской арміи. Разсчитывать въ такомъ случаѣ на помощь Россіи Пруссія не можетъ; Россія доказала ей свою *дружбу* въ 48 году

въ Гольштинскомъ вопросѣ; русское правительство можетъ еще само воспользоваться походомъ Наполеона на Рейнъ, чтобъ заграбить Познанское Герцогство.

Во 2хъ свободная Польша, (какъ я ниже скажу) будетъ тѣмъ толчкомъ, который разрушитъ Австрійскую Имперію. Германскіе народы, находясь тогда между двухъ огней, между Франціею и Польшею, непремѣнно должны будутъ стремиться къ единству и сгруппироваться около Пруссіи. Двѣ главныя причины, мѣшающія германскому единству, это во 1хъ соперничество Австріи съ Пруссіею, а во 2хъ преграды, какія Франція ставитъ этому единству изъ опасенія имѣть при себѣ такого сильнаго сосѣда. Свободная Польша уничтожитъ обѣ эти причины: Австрія падетъ, а Франція не будетъ опасаться сильной Германіи, имѣя въ тылу ея сильнаго союзника въ Польшѣ, и только въ такомъ случаѣ она допуститъ германскимъ народамъ слиться, не обезпечивъ за собою Рейна. Такимъ образомъ Пруссія станетъ во главѣ единой Германіи, что вполнѣ вознаградитъ ее за потерю двухъ милліоновъ враждебнаго ей польскаго населенія. Финке, приверженецъ прусской гегемоніи въ Германіи, дѣйствуетъ совершенно неконсеквентно, если онъ

враждебенъ независимой Польшѣ: эта независимая Польша и сдѣлаетъ прусскую гегемонію неизбѣжною. —

Въ 3хъ при свободной Польшѣ Россія будетъ принуждена искать союза съ Пруссіею, а союзъ этотъ тогда только и будетъ проченъ, когда будетъ основанъ на взаимности и солидарности интересовъ обоихъ государствъ. Русское правительство уже тогда не осмѣлится играть въ отношеніи къ единой 40 милліонной Германіи той повелительной и надменной роли, какую разигрывалъ Николай, пользуясь соперничествомъ Австріи съ Пруссіею и раздорами мелкихъ германскихъ государствъ. —

Остается намъ еще поговорить объ Австріи. —

Австрія также какъ Турція не составляетъ цѣльнаго, здороваго государственнаго организма съ его необходимыми условіями; это не государство, основанное на единствѣ народностей или по крайней мѣрѣ на господствѣ сильнѣйшей народности, около которой бы групировались нѣсколько меньшихъ; оно не основано даже на естественныхъ границахъ; Австрія — это самая страшная государственная аномалія, основанная на на господствѣ $\frac{1}{8}$ой населенія надъ $\frac{7}{8}$ми; это искуственный авто-

матъ, а не живой организмъ, и сколько бы не склеивали его части различными тряпками, называемыми конституціями и статутами, но рано или поздно этотъ автоматъ долженъ разложиться. Дѣло только въ томъ: *когда* Австрія распадется и чтобъ она распалась безъ вреда національностямъ, ее составляющимъ. Она разложится только тогда, когда съ одной стороны Польша потребуетъ Галицію, а съ другой Италія Венецію; при своей внутренней слабости, она не устоитъ противъ этихъ двухъ непріятелей и непремѣнно падетъ. Но свободная Польша въ то же время есть необходимое условіе для того, чтобъ австрійскіе народы ничего не потеряли при этомъ распаденіи. Польша, сдѣлавшись тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который заставитъ германскіе народы слиться, этимъ самымъ дастъ нѣмецкому населенію Австріи новое отечество съ 40 милліонами однокровныхъ жителей и далеко вознаградитъ его за мнимое господство надъ славянами и венгерцами; кромѣ этого, Польша еще будетъ въ состояніи защитить другіе славянскіе народы отъ враждебныхъ покушеній Венгріи. Если кто нибудь и потеряетъ на распаденіи Австріи, то развѣ только Францъ II, ли-

шившись нѣсколькихъ милліоновъ годоваго дохода; но вѣдь рано или поздно онъ ихъ долженъ потерять; да притомъ отъ него зависитъ удовольствоваться одною венгерскою короною, тогда онъ можетъ спасти даже свои милліоны.

И такъ возстановленіе Польши лежитъ въ интересѣ всѣхъ великихъ державъ Европы.*) — Только въ Варшавѣ можно разсѣчь гордіевъ узелъ всѣхъ европейскихъ вопросовъ. Кому принадлежитъ въ этомъ случаѣ роль Александра Македонскаго? Если бы возстановленіе Польши разрѣшало только одинъ польскій вопросъ, то обязанность — взять на себя эту роль — принадлежала бы прежде всего Наполеону; но, какъ я уже говорилъ, разрѣшеніе польскаго вопроса повлечетъ за собою разрѣшеніе и восточнаго, германскаго, венеціанскаго, римскаго и даже мексиканскаго вопроса; однимъ словомъ, Европа имѣетъ случай избавиться отъ всѣхъ вопросовъ, висящихъ, какъ мечъ Дамоклеса, надъ ея головою; поэтому

*) Съ одной стороны Франція, Польша и Италія, а съ другой Англія, Россія и единая Германія: тогда будетъ въ Европѣ истинное равновѣсіе.

и неблагоразумно было бы предоставить ихъ разрѣшеніе одному Наполеону. Три великія державы, притянувъ къ себѣ, если возможно, Италію, Швецію, Испанію и нѣкоторыя другія второстепенныя государства, должны соединиться и совокупно на конгрессѣ разрѣшить польскій вопросъ. Если Россія пристанетъ добровольно, то это можетъ только послужить въ ея пользу; если же она будетъ упорствовать, то тогда можно силою заставить ее принять то рѣшеніе польскаго вопроса, которое будетъ постановлено конгрессомъ, и она только на себя должна будетъ пѣнять, если это рѣшеніе будетъ для нея несовсѣмъ благопріятно. Австрійскій императоръ, если будетъ благоразуменъ, тоже приступитъ къ конгрессу; въ такомъ случаѣ онъ можетъ обезпечить за собою хоть венгерскую корону. —

Европа такимъ образомъ имѣетъ возможность разомъ разрѣшить всѣ вопросы, каждую минуту грозящіе привести къ кровавымъ столкновеніямъ и притомъ разрѣшить ихъ, не только не затрогивая интересы какого нибудь народа — напротивъ даже въ пользу всѣхъ. Самая сила, съ которою всѣ вопросы будутъ послѣ возстановленія Польши стремиться къ разрѣшенію, ручается за то, что сопротивленіе враждебныхъ разрѣшенію

элементовъ будетъ самое незначительное, а слѣдовательно и малокровопролитное. Содѣйствіе общественнаго мнѣнія Европы въ этомъ случаѣ тоже не мало облегчило бы дѣло правительствъ. Ни объ одномъ вопросѣ еще не царствовало такого единодушія въ общественномъ мнѣніи, какъ о польскомъ. Отъ Стокгольма до Лиссабона, отъ Лондона до Неаполя, вездѣ раздается только одинъ голосъ въ пользу Польши; въ дѣлѣ освобожденія Польши Монталамберъ протягиваетъ руку примиренія наполеонскому правительству; Дизраели готовъ поддерживать Пальмерстона, и Раттаци подпираетъ интерпелляціи Брофферіо; даже нѣмцы, которымъ при каждомъ движеніи въ Европѣ мерещится Наполеонъ на Рейнѣ, даже они въ пользу вмѣшательства европейскихъ правительствъ въ польскія дѣла. —

Воспользуются ли правительства этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ одною и притомъ не очень кровавою операціею избавиться отъ всѣхъ своихъ внѣшнихъ язвъ? желательно, но сомнительно. Вѣроятнѣе всего, что они будутъ много говорить и писать, станутъ откапывать старые сгнившіе трактаты, о которыхъ они и будутъ судить и рядить до тѣхъ поръ, пока возстаніе будетъ

подавлено и Польша задушена въ ея собственной крови; потомъ посовѣтуютъ Александру подарить нѣсколько реформъ, онъ издастъ краснорѣчивый манифестъ, въ которомъ будетъ сказано, что такъ какъ возстаніе злоумышленниковъ божіею помощію подавлено его *храбрыми* войсками, то онъ великодушно даруетъ Польшѣ нѣсколько реформъ, которыя онъ *давно* уже намѣревался ей дать. Вулканъ среди Европы будетъ на время потушенъ; польскій вопросъ останется неразрѣшеннымъ, а съ нимъ и множество другихъ. Дамоклесовъ мечъ, какъ и прежде, будетъ висѣть надъ головами правительствъ, они будутъ стараться отклонять его какъ можно дольше, держась своего золотого правила: aprês nous le delûge. А общественное мнѣніе? противъ него разумѣется не пойдутъ; ему будутъ льстить, будутъ отдѣлываться фразами и обѣщаніями, пока наконецъ его усыпятъ. Да притомъ неужели общественное мнѣніе дѣйствительно шестая великая держава въ Европѣ? я думаю, что это самый несправедливый парадоксъ; и въ этомъ отношеніи конституціонное правительство отличается отъ неконституціоннаго только тѣмъ, что тогда, когда послѣднее просто зажимаетъ народамъ

ротъ, первое даетъ народамъ право все говорить, а министрамъ право все дѣлать. Событія въ Польшѣ скоро покажутъ — ошибаюсь ли я или нѣтъ; разумѣется, что въ этомъ случаѣ я желалъ бы ошибиться. — Посмотримъ! —

До сихъ поръ я говорилъ о томъ, какъ и что Европа должна во имя своихъ же интересовъ сдѣлать для Польши. Скажу теперь нѣсколько словъ о томъ, какъ возставшая Польша должна поступать въ отношеніи къ Европѣ. Теперешняя политика Польши совершенно ложна и вѣроятно не приведетъ ни къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ. Пора уже ей убѣдиться, что европейская дипломатія не только останется навсегда глуха къ ея мольбамъ и просьбамъ, но и такъ близорука, что не можетъ видѣть даже своихъ истинныхъ интересовъ. Даже стараясь казаться какъ можно менѣе революціонною, Польша отъ правительственной Европы не можетъ ожидать ничего кромѣ громкихъ утѣшеній и пустыхъ обѣщаній. —

Здравая и прямая политика требуетъ, чтобы Польша, прервавъ всякія сношенія съ оффиціальною Европой, обратилась съ просьбою о помощи къ своему естественному союзнику — къ революціонной Европѣ, которая одна и поможетъ ей искренно и безкорыстно. Если даже Венгрія, Италія и др., за которыхъ Польша столько разъ проливала свою кровь, и останутся глухи на призывъ Польши, или если они не въ состояніи будутъ ей помочь, то этотъ призывъ къ революціонной Европѣ будетъ имѣть то благодѣтельное слѣдствіе, что правительства, испугавшись краснаго призрака, наконецъ таки вмѣшаются въ дѣла Польши. На правительства всегда лучше дѣйствовать угрозами, чѣмъ просьбами. Когда же правительства вмѣшаются, то Польша не должна слагать оружія, пока ей не возвратятъ, по крайней мѣрѣ, конституціи 15 года и не дадутъ польскаго войска. Если Польша не въ состояніи справиться съ русскимъ правительствомъ сама или съ помощью революціонной Европы, то должна покамѣстъ довольствоваться хоть этимъ и ожидать болѣе удобнаго случая для полученія бо̀льшаго. — Въ случаѣ же, если она имѣетъ достаточно собственныхъ силъ, чтобъ освободиться

отъ своего деспота, безъ чужой помощи, то ради своей будущей свободы и своего внутренняго развитія, должна всѣми силами стараться отклонить всякое вмѣшательство правительствъ: примѣръ Италіи еще живъ въ памяти всѣхъ.

Берлинъ 15 Марта 1863.

Печ. въ тип. Г. Петца въ Наумбургѣ.

PUBLICATIONS RÉCENTES
DE
FERDINAND SCHNEIDER
EDITEUR A BERLIN
11, VICTORIA-STRASSE.

Г. г. Любители русской литературы, владѣющіе интересными манускриптами и рѣдкими печатными произведеніями приглашаются благосклонно довѣрить нижеподписавшемуся печатаніе оныхъ, адресуя на имя Ф. Шнейдера.

Свободное слово, русскій политическій органъ, издаваемый подъ редакціею Л. П. БЛЮММЕРА. I. 1. 2. à 12 Sgr.

„Свободное слово“ выходитъ въ неопредѣленное время, тетрадями отъ 3 до 5 листовъ величиною. Въ 1862 г, будетъ издано 11 тетрадей, которыя составятъ первый томъ.

Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе императора Александра II.

Томъ I.	1855—1858.	2 Thlr.
Томъ II.	1859—1860.	2 Thlr.
Томъ III.	1860—1861.	1½ Thlr.

Написанная даровитымъ участникомъ дѣла, книга эта, по своимъ многочисленнымъ эпизодамъ и анекдотамъ, можетъ служить очень занимательнымъ чтеніемъ.

Стихотворенія НЕКРАСОВА, съ возстановленіемъ вычеркнутыхъ цензурою стиховъ. 1 Thlr.

Экземпляры въ красивомъ (съ золотымъ обрѣзомъ) переплетѣ продаются 12 Sgr. дороже.

Изъ записокъ господина фон-Шнабелевопскаго. ГЕЙНРИХА ГЕЙНЕ. 10 Sgr.

Эта веселенькая пьэса особенно рекомендуется для чтенія на желѣзныхъ дорогахъ.

О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Н. М. КАРАМЗИНА. 24 Sgr.

третомъ Барона, въ изящномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. 5 Sh. 0

Старый міръ и Россія. Искандера. 2 Sh.

Россія и соціализмъ. Искандера. 2 Sh.

Крещенная собственность. Искандера. 2 Sh.

Юморъ. Поэма Н. Огарева. 2 Sh.

Голоса изъ Россіи. Книжки 1 до 7. à 2 Sh.

" " " " 9 до 10. à 2 Sh. 6 d.

Похожденія грибуля. Сочиненіе Ж. Санда. 3 Sh. 6

Франція или Англія? Переводъ съ французскаго. Искандера. 1 Sh. 6

La cour de Russie il y a cent ans. 1725—1783. Extraits des depêches des ambassadeurs anglais et français. 3me édition. 1 vol. 8. 2 Thlr.

Notices sur les principales familles de la Russie. Par le Prince Dolgoruckow. Nouvelle édition. 1 vol. 8. 24 Sgr.

La vérité sur la Russie. Par le Prince Dolgoruckow. Nouvelle édition. 1 vol. 8. 1 Thlr.

Die Verfassung Englands. Dargestellt von Dr. Ed. Fischel. 1 Band 8. 2 Thlr. 10 Sgr.

Notice sur les sceaux et les amoiries de la Russie. Par B. de Koehne, 1me partie. Avec gravures 1 Thlr.

Histoire de la Commune Polonaise du dixième au dixhuitième siecle. Par le général Mieroslawski. 10 Sgr.

Acktenstücke zur orientalischen Frage. Nebst chronologischer Uebersicht zusammengestellt von Dr. J. von Jasmund. 3 Bände 8. 5 Thlr. 10 Sgr.

Briefe aus dem Hauptquartier oder die Wahrheit über den Krieg in der Krimm. Von einem Officier des englischen Stabes. Uebersetzt aus dem Englischen von W. S., Lieutenant in der Artillerie. 2 Bde. 8. 2 Thlr. 10 Sgr.

Untersuchungen über das Europäische Gleichgewicht. 440 Seiten gross 8. 1 Thlr. 20 Sgr.

Die Geschichte der Menschheit in ihrem Entwickelungsgange seit 1789 bis auf die neuesten Zeiten. Von Carl Ludwig Michelet, Professor an der Universität zu Berlin. 2 Bände 8. 60 Bogen. 4 Thlr. 10 Sgr.

Gedruckt bei Rosenthal & Co. in Berlin, Auguststrasse No. 91.